С черного хода

Автор:
Александр Башибузук

С черного хода

Александр Башибузук

Попаданец (АСТ)

Бой, ранение, плен, концлагерь – история старшего лейтенанта госбезопасности Александра Ротмистрова ничем не отличалась от историй тысяч советских воинов, вступивших в схватку с фашистскими захватчиками. Не отличалась ровно до того времени, как он попал в лабораторию таинственной нацистской организации «Аненербе», на острове Узедом, где немецкие ученые проводили научные эксперименты с временем и пространством. А вот дальше судьба Ротмистрова пошла кувырком. Это в буквальном смысле слова…

Александр Башибузук

С черного хода

© Алксандр Башибузук, 2018

© ООО «Издательство АСТ», 2018

Пролог

21 мая 1937 года

– Товарищ профессор… Пал Палыч… Но это же совершенно недоказуемо и, следовательно, ненаучно! – Крупный белобрысый парень с правильными, но резковатыми, рублеными чертами лица решительно махнул рукой с зажатой в ней скрученной в трубку тетрадью. – Все научные теории должны быть доказаны практическим методом. Все остальное вздор!

Сухонький старичок поправил пенсне, внимательно оглядел аудиторию и остановился взглядом на пареньке, продолжавшем упрямо хмуриться.

– То есть, насколько я понял, вы, Ротмистров, считаете, что теоретическим выкладкам нет места в науке? – профессор, задавая вопрос, слегка улыбнулся.

– Именно так! Никаких теорий! Теории – это буржуазные штучки. А у нас скоро коммунизм наступит! – выпалил парень и с видом превосходства посмотрел на остальных студентов, с интересом следивших за дискуссией в аудитории.

– Но если не будет теорий, тогда что же вы будете доказывать, Ротмистров?

– Ну как… – смешался парень. – Я же не это хотел сказать. Теории, конечно, должны быть, но правильные… те, которые можно доказать…

– Знаете что, Ротмистров?.. – сказал профессор неожиданно язвительным тоном. – Занимались бы вы своими потасовками или как их там…

– Борьбой… – сконфуженно буркнул парень.

– Вот-вот… Этой самой самбой. И не лезли бы в науку. Она – да и вы тоже – от этого только выиграет. Еще не поздно себе найти новое призвание.

Профессор недовольно поморщился, залез в карман широченных брюк и выудил потертые часы на массивной цепочке. Подслеповато глянул на циферблат и заявил:

– Лекция закончена. Прошу всех подготовиться к практическому занятию в среду.

– Но у меня соревнование в среду! – возмущенно воскликнул тот же парень.

– Ваши проблемы, Ротмистров! – сурово заворчал профессор и добавил, мстительно прищурившись: – Не будет вас на практическом занятии – к экзамену не допущу!

– Больно надо… – тихо буркнул парень и стал запихивать учебники в портфель. – Уйду я от вас. В пограничное училище. Далась мне эта физика. Без нее как-то проживу.

– Сашка! – К парню подлетела румяная девушка с толстенной русой косой, закрученной бубликом на затылке. Ее красную, со шнурованным воротом, тенниску распирала неожиданно большая и высокая грудь. Очень симпатичная девушка, вся такая ладненькая, крепенькая, чем-то похожая фигуркой на монументальную статую «Девушка с веслом», стоявшую в парке культуры и отдыха.

– Чего тебе, Курицына? – Парень подозрительно посмотрел на студентку.

– Ты чего так смотришь? Я тебе что, враг народа? – возмущенно воскликнула она и неожиданно застенчиво покраснела.

– Чего хотела, говорю? Алька, давай быстрее. Некогда мне, я на тренировку опаздываю… – Парень тщательно демонстрировал всем своим видом полное безразличие к девушке.

– А что, правда, говорят, что ты в военное училище собрался поступать? И вот совсем-совсем скоро уедешь?

– Возможно.

– И вот тебе не жалко будет все бросать? Друзей?.. – девушка замялась и намекнула: – Еще, может, кого?..

– А тебе-то что?

– Я вот… – смутилась Курицына, потупилась и, смешно растягивая слова, предложила: – Вот если ты захо-очешь… То мо-ожешь меня подгото-овить…

– Еще раз и внятно! Куда и кого подготовить?

– Да что тут непонятного? – фыркнула девушка. – К практическому занятию можешь меня подготовить?

– Я?! – парень от удивления округлил глаза.

Очень хорошо у Сашки получилось изобразить недоумение. Конечно, более внимательному, чем Алька, наблюдателю сразу стало бы заметно, что парень больше хочет казаться удивленным, чем есть на самом деле, но наивная Курицына так ничего и не заподозрила.

– Ну да… – Девушка несколько раз моргнула пушистыми ресничками, опустила свои голубые глазки и стала сосредоточенно что-то чертить носком своего парусинового тапочка на до блеска натертом мастикой паркете. – Я вот совсем ничего не понимаю…

– Это ты меня просишь? – очень натурально удивился Сашка. – Ты что, сбрендила, Курицына? Иди вон Вейсмана попроси. Он во всем этом вздоре соображает не хуже профессора.

– Не хочу Вейсмана… – запротестовала Алька. – У него ладони всегда потные и из носа волосы растут. И он в раздевалке мелочь по карманам тырит. Хочу, чтобы ты. Вон как ты лихо сегодня с Палычем спорил. Значит, соображаешь. Вот и помоги мне.

– Отстань, говорю же, на тренировку опаздываю.

– Ну, как хочешь… – Алька вспыхнула и, круто развернувшись, направилась к двери. Уже в дверном проеме остановилась, обернулась и лукаво добавила: – А у меня дома никого не будет. Мама с папой в Гагры уехали, а домработницу я в деревню отпущу…

У парня торжествующе блеснули глаза, но он справился с собой, растерянно посмотрел на сокурсницу и промямлил:

– Но я же не бум-бум…

– Ты дурак? – Алька недоуменно уставилась на Сашку. – Мне повторить? А знаешь, я тебе еще папин наградной маузер покажу. Если хорошенько попросишь, конечно…

– Ну, если пистолет… Тогда ладно… – парень нехотя кивнул головой, а когда Алька выбежала из аудитории, торжествующе стукнул себя кулаком по ладони и показал в сторону пустой кафедры дулю. – Вот так, Пал Палыч! А вы говорите я предмет не знаю. Ловкость рук и никакого мошенничества…

21 ноября 1941 года

– Ротмистров Александр Георгиевич, старший лейтенант госбезопасности. Член РКСМ с февраля 1935 года, кандидат в члены ВКП(б) с февраля 1937 года, член партии с февраля 1939 года. Точные место и время рождения неизвестны, бывший беспризорник, воспитанник Саранского детского дома номер тридцать шесть имени Парижской Коммуны. В 1939 году закончил Себежское военное училище НКВД с отличием. Во время учебы проявил себя…

– Этот момент пропустите, Валентин Иванович, – попросил своего собеседника сидевший за большим, крытым зеленым сукном столом человек в форме НКВД с петлицами старшего майора госбезопасности. – Я потом сам посмотрю. Что там дальше?

– Есть, товарищ старший майор, – капитан, стоявший перед столом, четко кивнул головой и продолжил ровным, хорошо поставленным голосом: – После окончания училища был прикомандирован к отдельному разведывательному лыжному батальону 122-й стрелковой дивизии. Награжден медалью «За боевые заслуги» за участие в операции…

– Знаю-знаю. Это там, где Маргелов шведских наблюдателей при финском генштабе расколотил, – опять перебил докладчика старший майор.

– Так точно, товарищ старший майор госбезопасности! Прикрывая отход основной группы, Ротмистров лично уничтожил трех финских стрелков в рукопашной схватке…

– Продолжайте… – задумчиво кивнул мужчина за столом.

– В 1940 году за успешное проведение операции «Янтарь» награжден орденом Красного Знамени и ему было присвоено внеочередное специальное звание старший лейтенант госбезопасности. Был ранен и по излечению откомандирован в распоряжение Четвертого отдела НКВД СССР. Поступил в Высшую школу НКВД СССР. После начала войны переведен в Особую группу при наркоме НКВД СССР в качестве инструктора по специальной и боевой подготовке. Чемпион наркомата по самбо. Награжден грамотой наркома и ценным подарком за отличную стрельбу из пистолета и показательные демонстрации приемов штыкового боя. Бегло владеет шведским и немецким языками, однако в связи с возможностью идентификации у него боевого ранения для использования в иностранном отделе не пригоден….

– Спортсмен и полиглот, говорите?.. – старший майор сделал пометку карандашом на лежавшем перед ним листе бумаги. – Ладно, давайте дело. И дела остальных членов группы тоже. Вы свободны, Валентин Иванович.

После того как капитан вышел, старший майор тяжело встал из-за стола, прошелся по кабинету к плотно зашторенному окну и, отодвинув занавеску, посмотрел на наливавшийся серостью рассвет. Хмыкнул и, вернувшись, открыл дверцу маленького сейфа, вмонтированного в тумбу стола. Достал бутылку коньяка «Двин» и налил немного в граненую рюмку. Отсалютовал большому портрету с изображенным на нем Иосифом Виссарионовичем Сталиным, висевшему напротив, и залпом выпил. Поморщился, затем открыл первую папку…

Старший майор быстро листал дела и изредка делал пометки. Сторонний наблюдатель ничего не смог бы понять по его лицу. Разве что отметил бы волевой подбородок, плотно сжатые губы и припухшие от усталости глаза. И еще он иногда морщился как от зубной боли, пробегая глазами некоторые места в личных делах. Лишь в одном случае старший майор от души рассмеялся: когда читал объяснительную из дела Ротмистрова.

– Ну так пускай Гольдберг свою сучку на поводке держит. Законно по морде получил… – проговорив эти слова, он вдруг снова смолк, просмотрел еще несколько листов дела, нахмурился и зло сказал: – Да плевать уже на его рапорт Кабулову. Глубоко плевать. Может, если успеет, конечно, самому пожаловаться. Вот только не успеет. Этот парень уже недоступен ни для кого.

Спустя час он снял трубку телефона и распорядился принести себе чаю. Встал и подошел к зеркалу. Помолчал и буркнул своему отражению:

– Да, жалко. Но так надо. И нечего на меня смотреть, как на Гитлера. Всех мне жалко. И себя в первую очередь.

После чего вернулся за стол и решительно поставил свою резолюцию в уголке какого-то документа.

1 января 1942 года

– Господин генерал, прибыл полковник Розен.

– Проси.

В кабинет четким шагом вошел высокий мужчина в белом, измазанном грязью и местами порванном маскхалате. Не доходя до стола пару метров, он щелкнул каблуками и вскинул руку в нацистском приветствии.

– Господин генерал…

– Оставьте, Курт. Ну же… я жду! – Седой мужчина в генеральской форме нетерпеливо махнул рукой.

– Все подтвердилось. В произошедшем боестолкновении разведгруппа ликвидирована. Шесть человек убито, один из диверсантов взят в плен. Предположительно командир группы. Он ранен и сильно контужен.

– Наши потери?

У полковника от злости скривилось лицо:

– Весь взвод гауптмана Фюле, в том числе и он сам, погиб…

21 мая 1943 года

– Фрау гауптштурмфюрерин – это весь материал, который может удовлетворить вашим требованиям.

Невысокий, толстый штурмбанфюрер СС стоял навытяжку перед молодой, несмотря на довольно высокое звание, женщиной, тоже одетой в эсэсовский мундир. Только у нее на рукаве, в отличие от мужчины, находился другой шеврон. Вместо «Мертвой головы» там расположился серебряный овал, в котором лезвие меча обвивала лента, а по краям шла надпись латинскими, стилизованными под руны буквами. «Deutsche Ahnenerbe». Значок с точно такими же символами висел на груди.

Возможно, именно эта эмблема и заставляла штурмбанфюрера стоять навытяжку перед женщиной младше его по званию и каждую минуту протирать носовым платком обширную лысину, покрывающуюся от волнения испариной. Еще одной причиной волнения могла быть телеграмма от самого рейхсфюрера СС Гиммлера, в которой предписывалось оказывать любое содействие гауптштурмфюрерин СС Герде Гедин. Тоже весьма немаловажный сигнал для того, чтобы постараться исполнить все требования необычного визитера. И вообще, женщина в эсэсовской форме была явным нарушением политики руководства СС в отношении… да что там говорить, даже всего Рейха. Она являлась единственным действующим женщиной-офицером СС такого ранга, что по большому счету было нонсенсом. Почему? Да потому что в Рейхе считалось, что служить в армии удел только мужчин, а женщинам всегда отводились второстепенные чины во вспомогательных частях. В лучшем случае.

Остальные находившиеся в кабинете эсэсовцы тоже стояли в струнку, но особого волнения не проявляли. Они больше пожирали глазами точеную фигурку гостьи и ее очень красивое, хотя и неимоверно холодное и надменное лицо. Женщина действительно была очень красива, именно красива, а не привлекательна. Для идеологов нацизма она показалась бы идеалом женского представителя арийской расы. Русые волосы, заплетенные в толстую косу.

Большие глаза, напоминавшие оттенком морской лед, и нереально идеальные черты лица. Форма, явно пошитая на заказ, ловко облегала крепкую, но очень стройную, спортивную фигуру…

– Вы называете это материалом? – угрожающе протянула женщина и сделала пару шажков по кабинету, звякнув подкованными каблучками сапог.

– Фрау гауптштурмфюрерин, но у меня же не санаторий, – попробовал возразить комендант лагеря. – Я и так отобрал для вас самые лучшие образцы.

Комендант концентрационного лагеря «Дора-Миттельбау» столкнулся с нешуточными трудностями, исполняя заказ гостьи. Ну право дело, откуда в концентрационном лагере возьмутся здоровые и не истощенные узники?

– Мне нужен не истощенный, здоровый материал мужского пола, в хорошей физической форме и разной расовой принадлежности. А это что? Толпа доходяг. Сколько придется потратить ресурсов для приведения их в более-менее пригодную форму? Особенно когда эти ресурсы нужны для наших солдат, сражающихся на фронте с ордами восточных варваров. – Женщина, не обращая внимания на собеседника, брезгливо ткнула рукой в неровный строй заключенных, одетых в полосатые робы и выстроенных перед домиком начальника лагеря «Дора».

Заключенные действительно представляли собой удручающее зрелище. Сломленные, понуро сгорбленные, с потухшими глазами, в которых не прослеживалось ни капельки жизни. Единственным определением для их описания может служить выражение «живые мертвецы». Как раз их они больше всего и напоминали. Впрочем, один из заключенных, несмотря на болезненную худобу, выглядел получше остальных; возможно, за счет строевой осанки и, как ни парадоксально, веселых глаз.

– Поверьте, это самый лучший материал! – опять залебезил начальник лагеря. – Они из последнего этапа и еще не успели…

– Ладно, выхода пока у меня все равно другого нет… – немного смягчилась лицом женщина, вызвав непроизвольный вздох облегчения у начальника лагеря. – Обеспечьте погрузку на баржу. У нас охрана своя, но сопровождение до причала возьмите на себя и не забудьте приказать передать личные дела

оберштурмфюреру Крюгеру. Я отмечу рейхсфюреру, что вы со своим заданием справились…

– Чертовы яйцеголовые… – тихо пробормотал штурмбанфюрер, когда гостья вышла из кабинета и уселась за руль белого, роскошного не по чину кабриолета «хорьх» 853А, да еще тюнингованного в престижном ателье «Эрдманн унд Росси». – Чтобы вас, вместе с вашим островом, в вашу долбаную Вальхаллу унесло…

Глава 1

– Рудик, мать твою, ты хоть представляешь, где мы находимся? И какого хрена нас так кормят? – Я посмотрел на жестяную тарелку, полную комковатого картофельного пюре, политого растопленным маргарином, и непроизвольно застонал от голодных спазмов, скрутивших желудок. – Млять!.. – выдохнул воздух, еле справившись с болью. – Етить Гитлерюгу в печёнку. Прям на убой!

Чудеса, да и только… Со вчерашнего дня, то есть со дня прибытия, работать не заставляют, не бьют, кормят три раза в день, причем с каждым разом все лучше, вернее порции больше, и даже в баню сводили.

С горячей водой и эрзац-мылом! Робу новую выдали – не полосатую, а обычную черную спецовку. Не новую, но чистую. Тюфяки в камере приличные… И медосмотр, прямо как в летчики набирали, провели. Сука… витаминки два раза в день дают. В натуре витамины, я аскорбинку ни с чем не перепутаю. Сука, нутром чую, ничем хорошим это не закончится. Зараза… лучше бы остались в «Доре» – штреки в скалах рубить. Там хоть сдохнешь нормальной смертью, без особых извращений…

– Тише, Сашка… – прошипел мой сокамерник и опасливо глянул на дверь камеры. – Услышат же… Опять бить будут…

М-да… а Рудик уже давно сломался. С тех самых пор, как на него натравили трех здоровенных овчарок в Заксенхаузене. Еле выжил парень… Да и немудрено. Да и я сломался – но только в другую сторону. С тех самых пор, как сам попал в

плен. Хотя по большому счету меня можно назвать везунчиком… Или наоборот?

Вот какого хрена группу отправили на убой? Сука, чуть ли не лучшие кадры в ОМСБОНе погубили.

Это был макет, а не установка! И не было никого в бункере! Совсем никого, млядь! Зуб даю, пустой он был, и нас возле него ждали! Я же добрался туда уже после того, как все мои легли! Добрался… Сука, везунчик долбаный… Лучше бы там, вместе с ними остался…

Я с трудом оторвался от воспоминаний и потряс головой, прогоняя окончательно дурные мысли.

Так… надо отожраться, а там посмотрим. Оторвал кусочек от селедочного хвоста и осторожно закинул в рот, стараясь не потревожить разбитые губы. Курт, скотина, все-таки засадил прикладом карабина перед отправкой.

– Узедом!.. Узедом, Сашка!.. – из угла, куда забился Рудик, донесся тихий шепот. Парень всегда старался расположиться спиной к чему-то твердому и монолитному. Переклинило его на свой спине, после того как собаки чуть шкуру с нее не спустили.

– Какой на хрен Узедом? Что за хрень?

– Остров в Северном море… – горячечно зашептал мой сокамерник и зачем-то прикрылся локтем. – Я слышал… Слышал, как эсэсманы разговаривали…

– Остров? – невольно озадачился я.

Мля… это меняет дело совсем. Правильно, грузили нас на баржу, потом часа три мы шли морем, затем выгрузка, тоже понятное дело, у причала на берегу. А вот то, что мы на острове, я так и не понял. Везли до места в машинах…

Кормушка в двери брякнула, открываясь, и чей-то голос проревел на немецком языке:

– Achtung! Die Fresse zur Mauer![1 - Внимание! Мордой к стене! (нем.)]

Это я понимаю. Мордой к стене, значит. Языком вражеским владею свободно. Спасибо Мирре Исааковне, моей учительнице в детдоме. Она мне говорила, что способный я. Бутербродами подкармливала… Дай Бог ей здоровья. Да и в училище тоже постарались, хотя произношение не ставили. Не тот факультет. Но на карандаш взяли, отметили, что курсанту Ротмистрову легче всего поставить гамбургский акцент. К тому же в плену хочешь не хочешь и китайский выучишь. Когда репетиторы уроки прикладами и плетями подкрепляют, все очень быстро учатся. Условный рефлекс на пендюлины вырабатывается. Мля, педагоги, в душу вас ети…

С пронзительным скрежетом отворилась дверь, затем протопали чьи-то башмаки по кафелю. Опять скрежет и жесткая команда за дверью:

– R?hrt euch![2 - Вольно! (нем.)]

Я обернулся и увидел, что вернулись сокамерники. Четверо нас в камере. Обычной крошечной тюремной камере, хотя после завшивленного барака в лагере она по комфорту мне напоминает апартаменты люкс в гостинице «Метрополь». Бывали, знаете ли…

Стены, крашенные шаровой краской, покатый низкий потолок, мощная железная дверь с прорезанной кормушкой на петлях. На полу кафель и две двухъярусные шконки, сваренные из массивных железных полос. Забранный в решетку негасимый, тусклый плафон над дверью. Да еще умывальник и параша. Комфорт, ептыть…

– Ну что? – не утерпел Рудик.

– Дай пожрать! – со злостью буркнул на него Камиль и с лязгом запустил ложку в тарелку.

Губайдуллин Камиль. Татарин из Казани. Лейтенант танкист. С самого начала войны в плену. Аккурат двадцать шестого июня его БТ сожгли. С тех пор и мыкается по лагерям. Вступать в татарский освободительный батальон отказался, хотя и крепко ненавидит советскую власть. Десятый сын какого-то там бая. Сам признался. Падла… В общем, мутноватый товарищ, да и злющий как собака, но только за то, что не стал предателем, достоин уважения. Сейчас

его, наверно, даже родная мама не узнает. Обгорел сильно. Все лицо красными страшными шрамами взялось…

– Нормально, Рудька. Не кипешуй. Будем жить… пока. А ну дай-ка мне мою шлемку. – Улыбнулся Рудику невысокий кряжистый мужчина. Хотя сейчас кряжистым его можно назвать только с большим преувеличением.

Это Хацкевич Иван Иванович. Белорус. Строевая косточка до мозга костей. Старшина пограничник. Коллега по наркомату, едрить… Уже мужик, сорока лет, повторивший судьбу тысяч пограничников в первые дни войны. Обороняли они свою заставу до последнего патрона, а потом оставшиеся в живых пошли в штыковую атаку с прогнозируемым исходом. Хотя вот Иваныч выжил. Но повезло ему или нет, сразу не скажешь. Это для кого как.

Хацкевич мужик основательный, неторопливый в словах и движениях. И спокойный как слон. Вот и сейчас неторопливо загребает ложкой пюрешку, хотя дико голодный, как и мы все.

– Тоже на медкомиссии были? – с непонятной надеждой опять поинтересовался Рудик.

Рудик… Звонковский Рудольф Валентинович. Высоченный, почти два метра, нескладный парень с длинными руками, которые он всегда не знает, куда деть. Он совсем молодой – едва девятнадцать лет исполнилось. Будучи студентом мединститута, вопреки воле своих родителей, решивших вопрос с бронью, пошел добровольцем на фронт. Служил военфельдшером. Он самый свежий из нас. Всего полгода в плену. Очень начитанный, практически эрудит. И еще он еврей… но не типичный. Никто и никогда, посмотрев на этого светловолосого парня с характерными славянскими чертами лица, не заподозрит в нем семита. Не знаю, как так получилось, но факт налицо. Все вопросы к его мамаше. Кстати, она, так же как и его отец, врач.

Рудька панически боится, что его раскроют и отправят в «газенваген», но как-то пока не случилось. Он грешит по факту своей славянской внешности на еврейские погромы, в свое время прокатившиеся по Украине, но это, как по мне, маловероятно. Мамаша его коренная москвичка. А вот бабка действительно со Жмеринки. Рудька говорит, что какие-то гены. Но всем известно, что это псевдонаучная хрень. Так что не иначе чудеса. Или сосед…

– Да, Рудик. Да… – Иваныч степенно облизал ложку и положил ее в пустую миску. Собрал со стола последние крошки хлеба и отправил в рот. – Вот и повечеряли, хлопцы. День прошел и ладно.

– А какие анализы брали? – опять полез с вопросами Рудик.

– Да ты заткнешься наконец! – рыкнул на него Камиль, но живо сбавил тон под взглядом Иваныча.

– Да откуда же нам знать, Рудольф. Из вены кровь брали, из пальца и в пасть какой-то ложкой лазили. Волос по клочку остригли и ногти обрезали. И в конец, падлы, тоже забрались. Такой палочкой на конце плоской. Вот вроде и все. Чудно… – Иваныч тяжело плюхнулся на шконку и заворочался, устраиваясь поудобнее.

Еще одно невиданное дело. Можешь валяться на койке хоть целый день. Не гоняют. Как же странно все это…

– Ага… это на микрофлору и билирубин… – тихонечко забормотал сам себе Рудик.

Ладно, пусть бормочет. Парень по ему одному понятным признакам хочет определить, что нас ждет. Зачем только? Понятно, что ничего хорошего. Изменить он все равно ничего не сможет. И я не могу… пока не могу. Но хочу. Черт, как же я хочу. И всегда хотел. С того самого момента, когда очнулся и увидел перед собой германские морды. Как наяву те события перед глазами стоят…

Линию фронта перелетели без происшествий. Самолет тенью скользнул над линией фронта, в нужном квадрате мы благополучно десантировались. Марш к объекту тоже никаких проблем не принес. Объект… Якобы новейшая радиолокационная станция, позволяющая обнаруживать наши бомбардировщики, направляющиеся к Берлину. Задачу поставили: радарную станцию уничтожить, комплект документов, находящихся при ней, изъять…

А вот станции на месте не оказалось. Вернее, оказалась, но только в виде макета. И никаких документов, естественно, тоже. И нас там ждали. Отборные волкодавы… Вот так, твою мать…

Запустили на территорию… предложили сдаться и потом… в общем, положили всех.

Я почти ушел… но… попался. Контузило меня сильно, месяц заикался и почти глухой был. Да рожицу осколком маленько попортило. Вдобавок к шраму на лбу скулу распороло качественно. Так что я теперь урод уродом.

А потом… Потом дойчи меня подлечили немного и взяли в работу. Основательно так, с толком и расстановкой. Для начала подтянутый оберст на отличном русском языке выложил мне почти всю мою биографию, вплоть до номеров приказов о присвоении воинских званий и награждений…

– …так вот, Александр Георгиевич, командиром вашей курсантской роты был Гогитидзе Зураб Бадриевич, а замполитом Кутасов Евгений Петрович. – Оберст обаятельно улыбнулся и захлопнул кожаную папку. – Ну право дело, к чему запираться? Да… и можете курить. Я тоже подымлю. Грешен, знаете ли, и никак бросить не могу.

– Как мне к вам обращаться? – Я не смог сдержаться и потянул папиросу из пачки «Дюбека», так завлекательно открытой перед самым носом.

А что, мля?! Да, взял!.. Можно, конечно, было бросить ее в морду оберсту и проорать: «Да здравствует коммунизм, самый коммунистический в мире!» Вот только зачем? Что я этим идиотским поступком докажу? И главное кому? Себе? Так я себе все уже доказал в свое время, а для них я особой ценности не представляю и своим геройством не огорчу. Обычный диверс, без особых знаний о структуре и делах наркомата. Обычный цепной пес. На кого покажут – того и рвем. Спишут в расход, делов-то. Правда, перед этим превратят в хрипящий и пускающий кровавые пузыри мешок с костями. И у нас точно так же поступили бы. Методики-то одни. Недаром опытом до войны обменивались… Млять… Не-ет… Сдохнуть всегда успею…

– Павел Иванович. Можете обращаться ко мне так… – Оберст щелкнул зажигалкой и любезно дал подкурить.

– Вы очень хорошо знаете русский язык, Павел Иванович… – я затянулся ароматным дымком и постарался неприметно осмотреться и немного потянуть время.

Обычный служебный кабинет советского кабинетного работника. Стандартная мебель, все как при прежнем хозяине, вот только портрет на стене… так сказать, не соответствует. Вождь другой. Хотя находимся мы сейчас в здании бывшего львовского Управления НКВД. Родным духом веет.

– Правда? – польщенно улыбнулся оберст и перешел на немецкий язык. – Значит, хорошие учителя были. Вы, насколько мне известно, тоже в совершенстве немецкий язык знаете? Не так ли? Только вот не пойму, почему вас, с вашими-то талантами, не использовали в иностранном отделе наркомата.

– Шрам… – ответил я и коснулся лба. – Ненужная примета. А может, еще что. Начальству виднее.

– Ну да, ну да… – покивал головой оберст. – Это вас на Карельском перешейке?

Я коротко кивнул, не желая вдаваться в подробности.

– Вы производите впечатление умного человека… – абверовец, а я не сомневаюсь, что он именно из этой службы, снял трубку телефона и приказал принести чаю. – Надеюсь, вы от чайку не откажетесь?

– Конечно, не откажусь. Только, Павел Иванович, но я предпочитаю сразу расставить все точки. А-то получится, что даром вы меня подкармливали. Не хочу обманывать ваши надежды.

– А, бросьте, – махнул рукой оберст. – Пустое. Я с вами просто беседую в свое удовольствие. Знаете ли, приятно поговорить с умным человеком. А-то тут встречались уже ваши коллеги. Плюются, бросаются. Лозунги орут. Ну дико, право дело. А кстати, вы почему не плюетесь? Непорядок. Все-таки член… как ее… вашей этой ВКП(б). – Последнюю букву в предложении оберст особенно

выделил и даже рассмеялся от удовольствия. Так ему понравилось ее звучание.

– Успею еще… – в тон ему ответил я. – Вот когда вы станете из меня делать мешок с дерьмом, вот тогда и покуражусь.

– Тоже правильно. Помогает себя настроить на нужный лад, – серьезно ответил немец и ловко разлил заварку по стаканам, а потом так же ловко долил кипятка. – Вам сколько кусочков сахару? Не стесняйтесь.

– Без. Не люблю сладкое.

– А я вот жить без сладкого не могу… – Оберст бухнул себе в стакан четыре кусочка рафинада, подумал и добавил пятый, затем, постукивая ложечкой об стенки стакана, посмотрел на меня и открыто улыбнулся. – И причем предпочитаю к чаю ваш рафинад, а не сахар-песок. Слишком русским, наверное, стал.

– Это хорошо или плохо?

– Когда как. А вообще я люблю Россию. Удивительная страна. Можно даже сказать: страна контрастов. Но давайте перейдем к делу.

– Давайте…

Оберста интересовало все связанное с ОМСБОН. Методики подготовки, состав подразделений, командиры, планируемые операции.

Я пошел на контакт… Что знал – немного исказил, а большего действительно я не знаю. Так, в общих чертах. А о планируемых операциях тем более. Не тот ранг у меня. И это оберст тоже прекрасно понимал. Начни иголки загонять мне под ногти, начну плести околесицу. Хуже еще получится.

Повезло в том, что абвер не особо был информирован об этом подразделении, и все мои ответы прокатили… пока.

Особым предателем себя не чувствовал. Собственно, ничего толком я не выдал, а вот дезинформацию некоторую смог запустить. Пока они ее проверят, поживу

еще немного. Может, что и изменится. Вернее, случай подходящий подвернется. Свалить, конечно… А не будет случая… В общем, буду надеяться, что все-таки получится.

Беседовали мы с ним практически каждый день в течение месяца, а случая так и не представлялось, и в конце я получил предложение. Какое? Ну естественно, работать на Великую Германию… Млять… Рано или поздно этим должно было закончиться…

– Сашка… Тут я вот что думаю… – на нары подсел Иваныч и махом прекратил все мои воспоминания.

– Что?

– Только не смейся… – грозно предупредил старшина и таинственно зашептал: – Знаю я, для чего они нас откармливают и здоровье проверяют.

– И зачем?

– Быков-производителей из нас делать будут! – выпалил белорус и, увидев смешинки в моих глазах, стал торопливо делиться своими соображениями. – А что? Немецкая кровь… она слабая, порченая. А народишко качественный им нужен. Вот и привлекли кровь улучшить. Вот и мы в колхозе быков из района выписывали стадо оживить. Вот так и нас. Вот и проверяют, значится, чтобы здоровы были. Немчура, она скрупулезная. Видал, каких подобрали? Самых живых в лагере. А я что… я могу… я еще о-го-го… А немки они страшные, конечно, супротив наших-то девок, но там в щели у них – все как у всех. Опять же заграничные мамзели, они завлекательные. Культурные лярвы. А нам все равно, кого драть. Ну сам подумай, для чего они тогда в конец ко мне лазили и даже измеряли? Ну, что ты думаешь по ентому поводу? Предательство это будет с нашей стороны али нет?

М-да… а вроде самый рассудительный из нас… Эко мужика торкнуло… Песец…

– Ты знаешь, Иваныч, и мне что-то такое подумалось… – вместо того чтобы опустить старшину на землю, я его поддержал. Пусть думает что хочет. Может, жить-то нам осталось всего ничего. Иваныч-то о теории о расовой неполноценности и не подозревает. Пусть тешится. – Не… какое это предательство. Ну сам подумай? – продолжил я. – Только ты молчи пока. Никому не говори.

– Ага, Санек. – Иваныч с довольной рожей перелез к себе на койку. – Я – могила.

Я опять закрыл глаза и постарался вспомнить разговор с оберстом…

Мля… Сбил-таки с мысли клятый бульбаш со своими бабами. Вот же человек. В глубокой заднице сидим, а ему бабы. Пахарь-перехватчик…

Ага… Оберст предложил сотрудничество…

– Ну что, Александр Георгиевич, самое время нам поговорить о делах наших. Как вы себя чувствуете? Доктор Франке говорит, что вы уже почти полностью восстановились.

– Да. Все как бы нормально.

– Вот и отлично! – обрадованно воскликнул оберст. – Ну так что? Вы уже созрели?

– К чему?.. – невольно спросил я, и сразу по позвоночнику пробежал неприятный холодок.

Идиотский вопрос. Ясно же, к чему… Я давно ждал этого момента. Пытаться втюхивать дезу и подтверждать то, что они и так знают – это одно. А вот соглашаться работать на фрицев – это совсем другое. И к ответу на такое предложение я уже приготовился. Как бы не совсем сволочь…

– Ну как к чему? – притворно удивился оберст. – Работать, конечно. Вы можете принести огромную пользу Германии, и я уверен, что она сумеет вознаградить вас достойно.

– Как-нибудь обойдусь…

– М-да… – хмыкнул абверовец. – А не затруднит ли вас сообщить мне – почему?

– Я русский. – Я ответил как можно спокойней, стараясь, чтобы слова не прозвучали пафосно. – И служить врагу не буду.

– Надо же, а я думал, что китаец, – весело съязвил немец. – Тысячи русских работают на нас во благо России, великую сущность которой уничтожили ваши собратья по партии. Не вижу причин отказываться. Придумайте что-нибудь посерьёзнее. Вам непременно хочется героически сдохнуть?

Неожиданно я разозлился и в большей степени на себя. Вот же сука… выпросил у смерти лишний месяц и, как ни оправдывай себя, потратил его на предательство. Вот же гнида я…

– Ну сами посудите… – продолжил оберст. – Мы с вами плодотворно сотрудничаем уже целый месяц. Информация, предоставленная вами, на восемьдесят процентов правдива. Хотя особо ценной я ее назвать не могу, да и приврали вы чуток, но все-таки ее предоставили именно вы и причем добровольно. Что-то я не припомню, когда это мы вам иголки под ногти загоняли. И тут на тебе. Хотите честно? Предателем наполовину нельзя быть. Либо так, либо эдак. Чуть-чуть измазаться не получится. И кстати, на что вы рассчитываете? Ну, допустим, совершите вы побег. И что дальше? Ваши же коллеги с удовольствием поставят вас к стенке. Предварительно, конечно, все потроха поотбивают. Да что я вам рассказываю, сами все знаете. Оно вам надо? Вы достойны большего. Так что давайте заканчивать этот дурацкий разговор и перейдем к делу. Я предлагаю вам звание, аналогичное вашему, а возможно даже на ранг выше. Работа та же…

– Нет…

Собственно, разговор на этом не закончился. Оберст привел еще кучу аргументов, но… но я уже все решил. Он почему-то реально на меня обиделся. Возможно, уже мысленно вертел себе дырку в мундире под крест. Мля… тогда мне было страшно. Потом страх куда-то улетучился и осталось одно безразличие.

Дальше пошло все очень прогнозируемо…

– Саш… Саш…

Мля, да что же такое! На мне что, свет клином сошелся?

– Чего тебе?

– Саш… я знаю…

– Я тоже.

– Что? – Рудик выкатил глаза от удивления.

– Нас будут использовать как осеменителей.

– Дурак ты, Сашка, – укоризненно сказал Рудик. – Я же серьезно.

– Если серьезно, то сейчас сюда пожалуют эсэсманы и ввалят нам таких звездюлей, что дурные мысли долго еще в голову лезть не будут. А ну свалил к себе на нару, мыслитель!

Звонковского как корова языком слизала. Звездюли он не любит. Да кто их, собственно, любит-то?

Да, вот не стыдно мне парня кошмарить… Ни капельки. И глубоко плевать, до чего он там додумался. Даже если это правда. Мне все уже до лампочки. С острова при всем его желании не сбежишь.

Черт… сорвали все-таки мне сеанс самобичевания.

Да и хрен с ним…

Лучше поспать…

Утро вечера мудреней…

Золотые слова…

А если в натуре осеменителем?..

М-да… идиотизм, штука заразная…

Глава 2

Утро началось… началось с зарядки… твою мать… Ну это если назвать зарядкой наматывание кругов с тачкой, полной кирпичей, да еще в ускоренном темпе. Без дела, просто по кругу. Из строя вызывали попарно и вперед, к спортивным достижениям. Но без изуверства. Семь потов со всех сошло, но никто разрыв сердца не получил. Так и прогнали всех. Разговаривать не разрешали. Какому-то чернявому, кажется молдаванину, заговорившему с соседом, настучали по голове прикладами и куда-то утащили. Больше я его не видел.

Затем медосмотр: измеряли давление и опять взяли кровь. После медосмотра что-то типа завтрака. Правда, сравнительно сытного. Кусок черного сырого хлеба, намазанный каким-то эрзац-джемом, и кружка бурды. Кажется, с ячменным кофе. Но с голодухи, как черная икорка с шампанским, пошло.

Высмотреть ничего толком не получилось. Несколько двухэтажных кирпичных зданий с небольшим плацем между ними. Какие-то ангары. По периметру все окружено высоким забором. Тоже капитальным. На заборе колючка в несколько рядов. По углам вышки с прожекторами и пулеметами. Охрана: все эсэсовцы. Молодые здоровые парни. Вооружены карабинами и кое у кого автоматы проскакивают. И охраны реально много.

Наша казарма… тьфу ты, наша тюрьма, задней стеной прилегает к забору, по бокам ее еще какие-то здания. Чуть дальше дымят три трубы. Довольно большие. Котельная или теплоэлектростанция. Или крематорий… Хотя нет. Масштаб не тот. Не рационально получается. Материала столько не наберется, хотя… хотя хрен его знает, что тут на острове еще натыкано.

Совсем недалеко что-то сильно ревело… Как будто несколько транспортных самолетов вхолостую гоняли движки. Даже сильней и тональность не та, но в общем похоже. Что-то непонятное. Может быть, ракетные двигатели испытывали. Был я в свое время на полигоне в Монино. Так что знаю…

За нами наблюдала группа товарищей в белых халатах, под которыми чернела эсэсовская форма. Одни мужчины, причем однозначно не военные. Выправка не та, да и возраст у некоторых далеко за пятьдесят. А вот главная у них девка… Такая роскошная деваха, правда с мерзким презрительным взглядом. Чина ее я не рассмотрел, но относились к ней остальные белохалатники с трепетной почтительностью. Более чем странно. Немцы дам в своей армии не особо жалуют, в смысле к службе не привлекают. Для них они в первую очередь матери и жены. Согласно знаменитой поговорке про три «К». Даже санинструкторы в армии поголовно мужчины. А тут на тебе… Хотя армейскую контору здесь, кроме охранников, ничего не напоминает. Научное заведение… млять… и это как раз особо погано…

Еще один момент вызывал нехорошее предчувствие. Весь подопытный материал был исключительно из Союза. Причем, кажется, чуть ли не изо всех союзных республик. Я приметил грузина, несколько армян и даже узбеков… или таджиков, в общем среднеазиатов. Союзников не было, мать их ети. Хотя в прежнем лагере их хватало. Как раз над ними особо не изгалялись. Даже посылочки от Красного Креста получали и содержат их отдельно. Значит, ничего хорошего нам ждать не приходится…

Несмотря на то что в обед хорошо накормили, настроение было хуже не придумаешь. Очень действует на психику такая томительная и тревожная неизвестность. Хоть на луну вой…

Но не успел повыть… После обеда выгнали разгружать какие-то тяжеленные ящики из машин и таскать их в просторный ангар, приспособленный под склад. Ящики деревянные, без маркировки и обитые по краям железной полосой. Очень тяжелые, несмотря на скромные габариты. Как будто золото в них или свинец.

Присматривали за нами всего четыре охранника и какой-то мужичок в гражданке под замызганным синим халатом.

Работал я в паре с Рудиком, а Камиль с Иванычем.

– Может, все-таки выслушаешь меня? – зашептал Рудик. – Я точно знаю…

– Я тебе сейчас ящик на ногу уроню, мыслитель. Не дури, видишь, эсэсман пялится… – зашипел я, не глядя на напарника.

Ну что за манера под руку лезть. И главное, я уверен, что ничего умного не скажет. Вот же…

Я как раз надсаживался, принимая на штабеле очередной ящик, как неожиданно пронзительно заревела сирена. Кладовщик очень резво куда-то сразу свалил, а охранники засуетились и стали загонять нас назад в тюрягу…

И тут… Я даже не знаю, что сказать. Материться не хочется, но простыми словами это так просто не описать. Скажу для красного словца… Грохнуло так, что я моментально оглох, даже потерял полностью ориентировку в пространстве и шлепнулся задницей об бетон. Все-таки уронив ящик Рудику на ногу.

Ярко-зеленая радужная вспышка и странная ударная волна… действительно странная. Обдало обжигающе горячим, стали дыбом волосы на всем теле и… и, млять, между всеми присутствующими в ангаре стали проскакивать яркие искры переливающегося зеленого цвета…

И это при том, что взрыв произошел не в ангаре, а где-то на улице. И кажется, вообще под землей.

Охрана разразилась воплями и выгнала нас во двор, где и положила мордой в бетон. После чего резко стала избавляться от всего металлического в своей экипировке. То ли нагрелся металл, то ли током бился, но еще то зрелище. Очень напоминает пляски диких папуасов под такие же дикие завывания.

Со звонкими щелчками стали лопаться изоляторы на протянутых во дворе линиях электропередачи, бешено заискрило под крышей ближайшего дома, после чего он ярко и весело вспыхнул.

Нещадно разрывая барабанные перепонки, надсаживалось уже несколько сирен. Добавьте дикую суматоху носящейся, как полоумные, в едком дыму толпы людей и сразу несколько пожаров… Однако весело…

Я прижимался к бетону и осторожно вертел головой. Ажиотаж достиг такой степени, что на нас полностью перестали обращать внимание. Сбежать-то проще простого… вот только куда?

И еще мне было весело. Ох как весело! Горите… Горите, суки драные…

Солдатики вместе с пожарными притолкали откуда-то пожарку. Именно притолкали, так как двигатель на машине скорее всего не смогли завести. Появилось еще несколько бочек с ручными насосами. Но сразу несколько ученых в халатах яростно заорали, запрещая им поливать пожары водой. Тогда попытались тушить огонь углекислотными огнетушителями. Впрочем, без особого успеха…

И тут я… вот даже не знаю, почему я так поступил…

Не знаю и все…

Да, они фашисты…

Да, они враги моей страны и поголовно суки и ублюдки…

Но… но когда я заметил на втором этаже весело полыхавшего дома, как какая-то женщина яростно пытается выломать массивную решетку в оконном проеме, а никто ее не замечает, так как все заняты тушением пожара совсем в другом здании, просто не смог отвернуться и забыть… И веселиться тоже расхотелось. Сука… да, фашистка, но прежде всего баба.

В общем, вскочил и накинул на себя валявшийся на земле кусок брезента. Затем вылил на него ведро с водой, забытое кем-то в суматохе, и вперся в горящий домик.

Придурок?..

Вне всякого сомнения!..

И сразу зашелся в едком кашле. Все заполнял густой дым, клубившийся и тянувшийся в сторону выхода. Сориентировался, упал на пол и на карачках

пополз к лестнице, ведущей на второй этаж. Горел пока только потолок, и внизу находиться было еще терпимо.

– Где ты, мать твою?.. – заорал, надсаживая глотку, и, перебирая ногами и руками, пополз по коридору.

Млять… кабинет? Высадил дверь и увидел пустую, если не считать лабораторного оборудования, комнату.

Сука… задохнусь же. Дышать же совсем уже невозможно… Ай, су-у-ука… Горю же…

Пихнул плечом еще одну дверь с тлеющим наполнителем под дерматином и попал в какую-то канцелярию.

– Где ж ты, сука! – Уже готовясь сдохнуть и подвывая от жара, я вломился в очередное помещение, где сразу наткнулся на неподвижное тело в белом халате, лежащее на полу.

– Млять, млять, млять… – Я прихватил женщину за шиворот и потащил за собой, уже совершенно не понимая, куда ползти.

С грохотом рухнула потолочная балка, разбросав кучу веселеньких красных искорок…

Углядел проем входной двери, обрамленный огнем, закутал девку в брезент, вскинул ее, надсаживаясь, на руки и ломанулся, как бешеный лось, сквозь огонь…

Всё, дальше не помню…

Что-то едкое заполнило ноздри, и сразу все тело наполнило ощущение сильной, жгучей боли.

– С ним все будет в порядке, фрау Гедин… – смутно донесся старческий надтреснутый голос на немецком языке.

Ага… Это про меня…

– Каким-то чудом он умудрился получить всего лишь легкие ожоги, ну и небольшое отравление угарным газом. Они живучие, эти недочеловеки, так что выживет…

Я уже полностью пришел в себя, но не спешил открывать глаза. Живой, да и ладно. Сами же говорят, легкие ожоги. Хотя саднит все жутко, даже орать хочется. Полежу, послушаю… может, чего интересного узнаю?

– Приведите его в себя, доктор Шульце. Я хочу знать, зачем он это сделал? – в разговор вступил приятный, бархатный женский голос, однако с проскальзывавшими в нем металлическими нотками.

– Ну как зачем? – удивился ее невидимый собеседник. – Просто желание выслужиться и получить некоторые блага от хозяина. Точно так же кошка или собака виляет хвостом и приносит мячик…

Ах ты хрен старый!.. Выслужиться, говоришь?!

Я продрал глаза, зажмурившись от яркого света, и узрел сухонького и лысого мужичка с острыми чертами лица и реденькой бородкой клинышком. Очень, знаете, напоминает нашего «всесоюзного старосту», будь он неладен. Старикан зажимал в глазнице старомодный монокль и пытался сунуть мне под нос ватку с нашатырем.

А вот рядом с ним… Перемазанная сажей и лохматая, как пудель, но неимоверно красивая женщина с пронзительными зелеными глазами. Мама, я даже проморгался, не веря своим глазам. Русалка!.. Сука!.. Русалка в эсэсовском грязном мундире! Тьфу ты… Сюрреализм какой-то. По определению эсэсовки не могут быть красивыми…

– Ну вот, я же говорил! – обрадовался старикан. – Живучий как собака. Вам стоит похвалить его за преданность хозяину… Ну… даже не знаю?.. Можете почесать ему за ухом или дать косточку…

– Вы в своем уме, доктор Шульце? – рявкнула, как лязгнула затвором, немка.

– Ну, я же образно… – смутился старикан.

– Не надо меня чесать за ухом, доктор Шульце!.. – вступил я в разговор, стараясь говорить ровно и без эмоций.

Хотя так и подмывало вцепиться старикану в горло. Но не вцепишься, руки прихвачены к кровати кожаными петлями.

– Я поступил подобным образом, исходя из единственно верных для себя соображений. В опасности находилась женщина, и любой настоящий… я повторяю, настоящий мужчина, поступит точно так же, как я. Независимо от национальности и статуса женщины. И не надо мне никаких благ за это. Прошу вас как можно быстрей перевести меня обратно в камеру…

– О-о-о… Уникальный экземпляр, – зашелся в восторге козлобородый. – Он знает человеческий язык. Очень интересный случай. Да, да… Вы знаете, скорей всего, им руководил инстинкт самца, спасающего пригодную для воспроизведения самку. Этот случай надо обязательно изучить и описать…

Тут доктор поймал стальной взгляд женщины и совсем стушевался. Запихал в карман халата записную книжку и ретировался под предлогом: наведаться к своим подопытным морским свинкам.

Ветеринар, мля…

– Откуда вы так хорошо знаете немецкий язык? – поинтересовалась немка, инстинктивно пригладив рукой растрепанные волосы.

Смутилась своего порыва и неожиданно покраснела.

М-да… Прокололся, твою мать. Про то, что я знаю язык, в моем деле не записано. Да и не Ротмистров я там, а вовсе Жилин Александр Николаевич. Обычный пехотинец, ефрейтор… Ну так совершенно случайно получилось, и жизнь при этом сберег. Но о данной жизненной коллизии потом…

– Хорошие учителя были, фрау гауптштурмфюрерин…

– Странно, в вашем деле ничего подобного я не нашла… – озадачилась немка.

– Меня не спрашивали, а я старался не афишировать свои знания.

– С этим мы чуть позже разберемся. Так почему вы меня спасли?

– Хотелось, чтобы вы меня почесали за ушком, фрау гауптштурмфюрерин… – невольно съязвил я и даже зажмурился, ожидая реакцию немки.

Да… это моя беда. Глупцом, даже при всем желании, я себя назвать не могу. Но бывает, что проскакивает. Особенно с дамами…

Реакции не последовало… Вернее, последовала, но не та. Немка спокойно сказала:

– Доктор Шульце замечательный специалист, но он биолог по основной специализации, поэтому частенько проецирует свои знания о животных на людей. Так все-таки почему?

– Вы хотя и враг моего народа, но в первую очередь женщина. Я полез бы даже за негритянкой…

Опять что-то не то сказал…

– Свинья! Недочеловек! Тупиковая ветвь эволюции!.. – Эсэсовка даже зашипела от ярости, круто развернулась и, цокая каблучками, вылетела из палаты.

А через полчаса меня отконвоировали в камеру, обляпав предварительно какой-то жутко вонючей мазью и совершенно непочтительно охаживая героя-спасителя прикладами.

Допинделся, мля, а мог бы недельку отдохнуть…

В камере совершенно ожидаемо наткнулся на полное непонимание ее обитателей. Рожи у мужиков злые, кулаки чешутся. Так и витает в воздухе праведная расправа над оступившимся товарищем. Того и гляди, «темную» устроят. И поди объясни им… Даже Рудик морду воротит…

Молча взгромоздился на шконку и полчаса принимал удобное положение – обгорел я все-таки знатно. Да и легкие горят огнем. В общем, весело. Словом, к награждению медалью «За спасение при пожаре» готов.

Перед отбоем звякнула кормушка, и «попка», то есть коридорный надзиратель, просунул в камеру объемистый сверток, в котором оказалась цельная бутылка шнапса, объемом семьсот пятьдесят миллилитров, буханка свежего черного хлеба и палка сухой, твердой как кирпич колбасы. А совершеннейшим сокровищем оказалась пачка французских сигарет «Житан».

Однако…

Зуб даю, это не эсэсовская русалка постаралась. Слишком подбор продукта не женский. Хотя вполне могла поручить кому…

«Дачка» вполне ожидаемо меня с сокамерниками примирила…

Млять, как будто ничего не случилось и никаких немок я не спасал. Полное понимание момента и одобрение будущих, таких же идиотских поступков. Ну не уроды?

Кружки, брякнув, столкнулись…

– За победу!.. Ты ей хоть вдул под шумок? – Иваныч крякнул и влил в себя обжигающее, вонючее пойло.

– За победу!.. Однозначно… – Камиль дернул кадыком, пропуская в себя шнапс, и сунул под нос корку хлеба. – Как тебя угораздило туда глянуть? Я вот лежал смирно мордой в пол. А так бы и я спас. Фули там… – Он со свистом втянул воздух и закинул корку в рот.

– Мазл тов… Ну зачем вы так… – Рудик принюхался к кружке и, судорожно сдерживая рвотные позывы, в несколько глотков выпил спиртное. Затем грызнул своими лошадиными клавишами кусок колбасы, подсунутый Иванычем, чуть не отхватив ему палец при этом. – Не надо все опошлять. Это просто благодарность за спасе-е-ение… – Наш товарищ мигом поплыл и расплылся в блаженной

ухмылке.

Три небритые рожи разом уставились на меня в ожидании подробностей…

– Значится так!.. – Нет, ну не могу же я разочаровать жаждущих подробностей боевых товарищей. – …а она под форменкой мягкая-мягкая и дух от нее идет… такой бабский… сладкий, сладкий…

– Ох, епать-колотить!..

– Шайтан!..

– Мамочка… держите меня трое… Правда пахла?..

– Правда – духами и бабой… А я беру ее так… за задницу… а сиськи болтаются… и тащу к выходу…

– А она?

– А ты?

– Ой, а меня рыгать тянет…

Короче, пузырь мы не допили. Вырубились…

Даже не обсудили, что же там такое епнуло…

Глава 3

Что произошло, мы так и не узнали. Ни на следующий день, ни через неделю. Рудик просто фонтанировал предположениями, но со временем сам признал их абсурдность. Почти месяц нас из камер не выпускали совсем: только выносить парашу и сразу же загоняли обратно. Постепенно этот эпизод отошел на второй план, а потом и вовсе забылся. Кормить продолжали так же сытно, и постепенно

я стал приходить в божеский вид. Ожоги покрылись струпьями, а когда и они исчезли, я осторожно попытался восстанавливать свою физическую форму. К очередному моему удивлению, препятствовать никто не стал, наоборот, доктор, совершавший ежедневный обход, одобрительно покивал головой, отметив начавшие появляться зачатки мускулов.

Когда заключенных опять стали привлекать к работам, на базе уже практически ликвидировали следы шухера, даже домики заново перекрыли и покрасили.

Над нами не издевались, охрана если и прикладывалась, то исключительно по делу и то без фанатизма. Ну в самом же деле, кто из узников станет обращать внимание на безобидные тычки прикладами, если в Заксенхаузене за подобные провинности запросто забивали до смерти или затравливали собаками. И самое главное, никто над нами никаких экспериментов не ставил.

В общем, вот в такое непонятное место мы попали. Жрем, спим и в разминочном варианте работаем. Курорт, ептыть… Все страхи постепенно стали забываться.

Кстати, спасенную русалку я так больше и не видел. И шнапса с колбасой тоже… А вот этого реально жалко.

Я лихорадочно искал возможность сбежать и совершенно четко понимал, что это невозможно. Это только в фильмах узники лихо совершают побеги, а в реальности все упирается в одно очень важное обстоятельство. Разоружить пару охранников не очень сложно. А дальше куда? Идти-то некуда! Остров, мать его, да и вообще, чуть ли не центр Германии. Бежать ради того, чтобы героически променять вот это райское местечко на обычный концентрационный лагерь и вылететь в трубу крематория облачком вонючей сажи?

Нет, увольте…

Да, возможно, я не настоящий советский человек, но заведомо идиотские поступки совершать не буду. Такой вариант развития событий возможен лишь тогда, когда другого выхода не будет. Когда останется только сдохнуть… А пока время терпит… Опять же каждый день работает на меня. Вот окрепну окончательно, тогда и посмотрим. Кстати, своими соображениями я ни с кем не делился. А Рудика, подкатывающего с гнилыми базарами по теме, послал раз и окончательно, пригрозив свернуть шею.

Не то чтобы я не доверяю сокамерникам, «наседок» среди них нет и не может быть. Вычисляется это очень элементарно. Просто я совершенно точно знаю, насколько человек слабое существо. Подлое, безмозглое в определенных случаях и мерзкое существо, и я, скорее всего, тоже не исключение. Когда начнут у того же Хацкевича и Губайдуллина, не говоря уже о Звонковском, ногти рвать и встанет перед ними простенькая дилемма: сдохнуть в мучениях или рассказать о моих планах дяденьке с добренькими глазами, угадайте с двух раз, как они поступят? Нет, конечно, все может быть, хотя бы в виде исключения, подтверждающего правило, но случаи подобные как раз очень редки. Все колются до самой задницы, все… Надо только правильный подход найти. Как это сделать, очень популярно и доступно мне в училище объяснили на спецлекциях, а во время работы в наркомате и на войне сам закрепил навыки. Так что не испытываю никаких лишних сомнений по поводу стойкости человеческого существа.

Да, приходилось потрошить людишек, стимулируя их желание излить душу… И не стесняюсь я этого ни капельки. Зачем? Враг есть враг… Даже если он ничего пока еще не сделал, а просто подумал. А на войне?.. С войной и так все понятно.

Никогда особо щепетильным и душевно ранимым я не был. С малолетства выживать приходилось. Как-то вот судьбинушка меня покрутила, что с самого детства я познал всю мерзость и грязь жизни.

Родителей своих я не помню… Конечно, порой мелькают некоторые очень смутные воспоминания, к примеру, я совершенно убежден, что моя мать была очень красива, а отец был морским офицером, естественно белогвардейским, но к делу этого, как говорится, не пришьешь. Я даже не пытался ничего разузнать, ибо фамилию мне дали в детдоме, а других исходных данных попросту нет. Почему Ротмистров? А хрен его знает. Надо спросить у картавого уродца в пенсне, заставлявшего детей ходить строем в любую погоду и морившего голодом за малейшую провинность в карцере. Вот такой был у нас в детдоме ублюдочный директор. Плохо кончил товарищ. Помимо своих основных увлечений, Плева, да, вот такая оригинальная у него была фамилия, очень любил маленьких мальчиков и девочек пощупать и нарвался как-то на только что прибывшего симпатичного цыганенка. Тот, недолго думая, вогнал директору припрятанную заточку в пузо, а потом свалил через форточку. Поймали, конечно, и расстреляли за котельной, но Плева сдох в ужасных мучениях.

Назначили нового директора, бывшего матроса Балтийского флота. Товарищ Гаврилов к методике воспитания подходил совсем не оригинально. Он своим пудовым кулаком мог и быка с ног свалить, но детдомовцев бил вполсилы. Любя… И почти всегда за дело. Честно говоря, совсем неплохим дядькой был. При нем кормить стали лучше, ибо он свернул челюсть набок начпроду в первый же день. А поварихой стала его жена, которая воровство на кухне извела подчистую. Правда, норовом тоже отличалась крутым и запросто могла огреть черпаком.

Да, тяжело в детдоме было, порой очень голодно и холодно, да и место свое в стае волчат приходилось выгрызать зубами, но, как ни странно, воспоминания о времени, проведенном в старинном здании с колоннами, у меня очень даже неплохие. Почти нормальным человеком меня там сделали, и я очень благодарен им за это…

В коридоре затопали сапоги и почти сразу брякнули засовы на двери соседней камеры. Потом повели куда-то двух ее обитателей. По шагам понял, что двух. На самом деле ничего трудного, звук шагов почти у всех индивидуален.

– Куда это их? – вскинулся Рудик. – Вроде на сегодня все работы уже закончены. Да и ночь считай на дворе.

– А я почем знаю, Рудька?.. – лениво потянулся на шконке Иваныч. – Мало ли куда. Не забивай голову дурным, давай я тебя лучше в шашки еще пару раз сделаю.

От безделья Иваныч слепил из хлебного мякиша шашки и виртуозно всех в камере в них обыгрывал. С ним уже никто не соглашался играть, ибо рука у белоруса тяжелая и шишки от щелбанов долго не сходят.

– А если началось? – высказал предположение Рудик и сам мертвенно побледнел от такого варианта развития событий.

– Вот же шайтан! – выругался дремавший Камиль. – Вот чего тебе в голову всякая ерунда лезет? Что началось?

– Ну-у, я не знаю… – замялся бывший военфельдшер. – Что-то плохое…

– Все, что плохого с тобой могло случиться, уже случилось, – философски заметил Иваныч.

– А если на опыты потащили? – прошептал Рудик. – Как в блоке «Д»… в Заксенхаузене.

– На хрена тогда нас откармливать, дурак! – зашипел разъяренно Камиль. – Это же перевод продуктов, немцы никогда на это не пойдут. Бережливый народец, мать его ети. Откормить и угробить? Не-ет, немчура от жадности удавится. Опыты можно и на доходягах устраивать. Не кипешуй раньше времени.

– Ну да… – засомневался Рудик. – Вроде верно говоришь…

– То-то же… – хитро улыбнулся Иваныч. – Ты басурманина слушай. Они, татарва казанская-то, народишко умный и хитрый.

– Бульбаш сиволапый… – беззлобно ругнулся Камиль и отвернулся к стене.

– А ты, Сань, что думаешь по этому поводу? – подсел ко мне Рудик.

– На опыты, Рудольф Валентинович. На опыты, куда же еще?

– Что, правда? – ахнул парень, а потом, разглядев мое выражение лица, сконфуженно улыбнулся. – Опять ты меня разыгрываешь, Сашка.

– Не опять, а снова, – влез в разговор Иваныч. – А ты не ведись, оболтус. Чего в самом деле разнылся, как баба?

Иваныч прогнал Рудика на свою шконку и заговорщицки мне подмигнул.

М-да… Для него все уже сложилось в стройную теорию. Куда на ночь глядя повели счастливчиков из соседней камеры? Конечно, осеменять охочих до ласки фрау. Себе, что ли, придумать какую-нибудь идиотскую идею и свято в нее уверовать? Как там говорят? Дурень думкой богатеет. Вот-вот… именно про этот случай поговорку сложили.

Тьфу…

А все-таки куда же их повели?

Ответа на свой вопрос я не получил и спокойно заснул, пропустив момент, когда соседей вернули назад. Если, конечно, вернули.

А вот утром… Сразу после подъёма пришли за мной и Рудиком…

Отконвоировали в самый дальний ангар, заставили одеться в резиновые глухие комбинезоны, напоминающие водолазный костюм, и проводили в бункер, вход в который находился в том же ангаре.

А там…

Сука….

Но лучше рассказать по порядку…

Спускались мы вниз по довольно узкой лестнице, закончившейся на глубине примерно метров десять большим тамбуром и массивной, бронированной дверью, оборудованной мощными кремальерами. Охранник поставил нас лицом к стене, а сам снял черную трубку телефона, вмонтированную в небольшой пульт.

Пара слов – и дверь, слегка скрипнув, тяжело отворилась. За ней нас приняла еще пара охранников, в почти таких же резиновых комбинезонах, как у нас, и натянутых на морды респираторах. Собственно, то, что они охранники, я понял по перекинутым через плечо автоматам… и габаритам. Как на подбор здоровенные, уроды…

Воздух в бункере оказался неожиданно чистым, только с примесью чего-то лекарственного, а само помещение состояло из длинного коридора с дверями по обеим его сторонам. Двери тоже металлические, но менее массивные, чем входные. Больше всего окружающая обстановка напоминала больницу или научную лабораторию, такое впечатление создавал кафель на полу и на стенах. И белый, нереально яркий свет.

Неужели всё?..

Рудика стала бить сильная дрожь, в мертвенной тишине стук его зубов слышался не хуже, чем барабанный бой. И немудрено… Сам лихорадочно трясусь, несмотря на нормальную температуру в бункере. Сука, страшно-то как…

Обстановка зловещая, а амбалы охранники в своих респираторах до энуреза кого хочешь доведут.

Как ни внушал себе, что с нами ничего плохого не случится, избавиться от пакостного ощущения страха так и не получилось. Сердце колотилось, как барабан, со скоростью очереди из ППШ…

Сука!.. Возьми же себя в руки!..

Невыносимо захотелось сдернуть с плеча ближнего амбала автомат, прострелить башку второму охраннику, а затем устроить диктатуру пролетариата всем обитателям бункера…

Как только в голове появилась такая мысль, ноги сами сделали короткий шаг вперед и в сторону, подстраиваясь под размеренный шаг гестаповца, а рука…

– Людвиг, смотри, это мясо так дрожит, что скоро запачкает себе штанишки…

Голос прозвучал глухо и искаженно из-под респиратора эсэсовца, которому я уже совсем собрался свернуть шею.

– Так объясни ему, что не стоит бояться, в дерьмо превратились два его камрада. А он еще с месяцок поживет. Ты же добрый парень, Вилли? Успокой мальчика.

Второй охранник коротко хохотнул и шутливо толкнул напарника в спину.

– Вот еще, – тоже заржал Вилли. – Пусть гадит. Мне не жалко. В свои же штаны, не в мои.

Твою же кобылу в трещину!..

Я еле сдержал себя, до крови закусив губу. Все же так просто, уроды до предела расслаблены, ситуацию совсем не контролируют. Даже в нынешнем своем состоянии я легко собью с ног «доброго парня» Вилли, застрелю из его автомата Людвига, а потом и самого хозяина дерьмовой машинки под названием МР-38. Сотни, если не тысячи, раз я показывал эти приемы обезоруживания ребятам на полигоне… Тело у меня сейчас слабое, немощное, но должно хватить просто техники…

Млять, рано…

Получается, изгаляться над нами не собираются… Тогда какого хрена нас сюда привели?..

– Стоять! – скомандовал Вилли и нажал на кнопку звонка, на двери которой заканчивался коридор.

Щелчки замка и засовов, дверь открылась…

Глава 4

– Что мы выносили?

– Мусор.

– Не похоже. И вонь такая стояла…

– Это мусор! – твердо, убеждая больше сам себя, ответил я Рудику.

Да, мне больше самого себя надо убеждать, потому что я, в отличие от него, понимаю – в резиновых, больших мешках, которые мы вынесли из бункера, был не мусор. Конечно, можно их содержимое назвать и мусором, вот только я убежден – в этот мусор превратились ребята, которых вчера вечером вывели из соседней камеры. Да что там говорить!.. Я это знаю так же точно, как то, что надо быстрее валить с этого долбаного острова. И если я не сбегу в ближайший месяц, в таком же мешке вынесут меня.

И еще… Совершенно случайно, пока мы торчали в коридоре, ожидая охранника, я слышал очень странный разговор, доносившийся из-за приоткрытой двери соседнего помещения.

Говорила фрау гауптштурмфюрерин, именно та русалка с зелеными глазами, которую я спас из горящего домика. Она даже не говорила, а шипела, как гремучая змея…

– …доктор Краузе, кто вам разрешил проводить в мое отсутствие эксперимент, я спрашиваю! Кто? Молчать! Кто вас вытащил из концентрационного лагеря? Кто содрал с тебя розовый треугольник, розовый ты ублюдок! Отвечать!

– Фрау Гедин!..

– Молчать, розовая свинья! Обращаться по званию, ублюдок!

– Фрау гауптштурмфюрерин, мне наконец-то удалось синхронизировать…

– Мне плевать на то, что тебе удалось синхронизировать, ты, паршивый ублюдок! Кто руководит программой?! Кто, я спрашиваю?! Сегодня же… Сейчас же ты отправишься обратно разнашивать ботинки в ту же клоаку, откуда я тебя вытащила!

– Но положение полей совпало на семьдесят семь процентов, такого результата еще не было…

– Этот результат вполне можно было получить теоретическим путем! Вы даром потратили ресурсы! Вы тупой осел, доктор Краузе… Вы… Ты… Ты тупой мясник! Арестовать! Убрать его с моих глаз!..

Эсэсовка выскочила из комнаты, скосила на меня глаза и, фыркнув как кошка, умчалась по коридору, сопровождаемая свитой едва успевавших за ней сотрудников. А потом охранники вытащили того самого доктора Краузе, напоминавшего мертвенно-бледный, живой труп.

Вот так… И что это все означает, я совершенно не понимаю. А чего я не понимаю, того я опасаюсь, тем более вот такой неудачный и непонятный

эксперимент грозит превратить мою тушку в фарш из костей и мяса. Оно мне надо?

Тут воистину забудешь про Карла Маркса с родной партией и вспомнишь старого доброго Боженьку…

Хотя отдельные моменты разговора мне понятны. К примеру, что такое розовый треугольник и чем грозит его обладателю возвращение в лагерь. Все очень просто – педерастам обеспечен самый низкий статус в лагерной иерархии, побои и отношение как к дерьму, это даже по сравнению с остальными заключенными, низведенными к роли бессловесного скота. Помимо этого, им обеспечено сорок километров день в ботинках на размер меньше и сорок килограммов в рюкзаке на горбу, и это ежедневно и пожизненно. Хотя жизнь обладателей розового треугольника обычно надолго не затягивается.

М-да… Не повезло доктору Краузе, хотя он свое заслужил. Меня в свое время приговорили всего к одному дню такого веселого развлечения. За кривую ухмылку в строю… Больше я никогда не ухмылялся и молился, чтобы сбитые до костей ноги пришли в норму, прежде чем руководство лагеря решит, что затраты на содержание не оправдывают моего существования, и не отправят меня в газовую камеру…

Дверь камеры открылась, возникший на пороге надзиратель молча ткнул в меня пальцем.

Одного?..

Ну что же…

Повели куда-то далеко за территорию базы. Я осторожно вертел башкой, рассматривая окрестности, но толком так ничего полезного и не увидел. Разве что заходивший на посадку транспортник. Что свидетельствовало о наличии большого аэродрома.

Прошли несколько батарей зенитных «Эрликонов» и чего-то тоже зенитного, но калибром покрупнее. Прожекторные установки тоже присутствуют.

Дорога свернула к морю, мы проследовали несколько хорошо оборудованных блокпостов, на которых стояли загнанные в капониры броневики.

С каждым шагом становилось ясно, что побег практически невозможен, даже толком помечтать не получится. Войск на острове очень много, а сам он поделен на зоны, границы между которыми хорошо охраняются. И побережье тоже. Я приметил несколько батарей крупнокалиберных орудий и даже пару сторожевиков, болтающихся на рейде.

М-да… получается, и морем не уйдешь… Остается… Только воздухом, но это вообще из области фантастики. Вот ни разу я не Чкалов и Коккинаки… Возможно, среди остальных кацетников летчики и есть, но организоваться никак не получится. Нас до кучи никогда не сводят, даже работаем отдельными группами, покамерно.

Мля… Веселуха, однако. И совсем же ни хрена неизвестно, что там на родине. Рудик говорил, что немцы напирают по всем фронтам и к Москве вплотную подошли…

В общем, нахлынула на меня такая тоска беспросветная, что я решил подождать недельку и устроить фестиваль в одиночку. При общей расслабухе, царившей на нашей базе, сделать это будет совсем нетрудно. Заберу с собой сколько смогу фрицев, а потом как раз проверю, куда гэбэшников после смерти определяют. В рай или ад?.. Только вот думается мне, на рай я еще точно не заработал, скорее даже наоборот, а ад будет выглядеть вряд ли хуже концлагеря. Так что мы привыкшие уже…

Неожиданно показался за высокими соснами небольшой гражданский поселок. Такие веселенькие, аккуратные домишки, крытые красной черепицей и утопающие в зеленых деревьях.

Прошли по улочке, провожаемые презрительными взглядами добропорядочных фрау с детишками разного возраста, и остановились перед домом, стоявшем немного подальше от остальных. И выглядевшим побольше, да и роскошней, чем остальные, честно говоря. За забором, сложенным из дикого камня, стоял роскошный белый кабриолет «хорьх», который как раз протирал приземистый и широкий, как шкаф, азиат, сразу недобро зыркнувший на меня своими косыми гляделками.

Вот же сука узкоглазая. И какого рожна меня сюда приперли?

– Заключенный номер 23425, доставлен по приказанию фрау гауптштурмфюрерин Гедин, – отбарабанил один из охранников, неприязненно посматривая на азиата.

Азиат глянул на эсэсовца как на пустое место, молча развернулся и скрылся где-то в доме.

Я приметил у него на поясе здоровенный кривой кинжал, выглядевший очень внушительно. Во, мля… А я грешным делом уже подумал, что это один из наших пленных среднеазиатов. Казах или туркмен какой… Но нет, не похож, рожа явно не советская. Да и кинжал не из той оперы, я довольно хорошо разбираюсь в холодном оружии, но вот с таким типом еще не встречался… хотя… твою же душу… – это же кукри! Точно!.. Непальский мессер. Значит, получается, косоглазый – непалец или как его там… гуркх?

– Адди, я когда-нибудь прострелю этому азиату башку… – зло буркнул один из охранников.

– Ага… давай. Завтра же окажешься в штрафбате на Восточном фронте, а то и просто расстреляют, – тихо ответил ему второй. – Ты что, не в курсе, кто такая эта девица? Да она с самим рейхсканцлером…

Эсэсовец наклонился к уху товарища и что-то шепнул, потом продолжил уже погромче:

– Она какая-то шишка среди ученых. Видел, как перед ней на задних лапках все ходят. Поговаривают, что руководит очень важными исследованиями и вот-вот, благодаря ее открытию, будет создано… – охранник запнулся. – Короче, что-то будет создано, но советую на эту тему не распространяться, живо загремишь в СД…

– Вы стоять здесь. Ждать. – Из дома появился азиат и ткнул рукой в охранников. – Он со мной.

Вместе с последним словом он ловко выудил кинжал из ножен и показал мне кончиком клинка направление движения.

Говорил непалец, или кто он там, правильно выговаривая слова, но с таким чудовищным акцентом, что я понял его с трудом. Но понял. И еще понял, что не смогу его обезоружить, даже при всем своем желании. Клятый азиат двигался ловко и пружинисто, аккуратно держал безопасную дистанцию, а кинжал свой прижимал к боку. Хрен выбьешь…

М-да. Да и не нужно мне это. Так, ради интереса прикинул…

– Госпожа!.. – Азиат почтительно склонил голову, затем скользнул мне за спину, и сразу я почувствовал прикосновение к шее холодной стали, лишавшей возможности даже повернуть голову.

Находились мы в небольшом зале, очень похожем на охотничий кабинет. Во всяком случае, о подобном назначении комнаты красноречиво свидетельствовали головы зверей на стенах, шкуры на полу и шкафы, сквозь прозрачные дверки которых хорошо просматривались десятки ружей и винтовок.

Гауптштурмфюрерин сидела в резном кресле готического стиля и ловко чистила разобранный на части пистолет. Отточенными, скупыми и четкими движениями. На меня не обращала внимания до тех пор, пока кучка деталей с лязганьем не превратилась в никелированный и инкрустированный золотом «Вальтер PPK». Потом отложила его на льняную салфетку и посмотрела на меня своими пронзительными зелеными глазами.

– Я жду…

Клинок резко надавил на шею, грозя прорезать кожу…

– Заключенный номер 23425 по вашему приказанию прибыл, фрау гауптштурмфюрерин, – выпалил я, повинуясь недвусмысленному намеку.

– Вот так хорошо, – удовлетворенно кивнула головой девушка.

Именно девушка, потому что вряд ли ей было больше двадцати пяти лет… может чуть больше. Что само по себе вызывало нешуточное удивление. Во-первых: такой чин для женщины – дело неслыханное, в СС званиями просто так не разбрасываются, и за какие такие заслуги девка носит чин, равный капитану вермахта, можно только догадываться. Во-вторых: занимать в таком возрасте должность руководителя какого-то шибко секретного и очень важного проекта… тоже не семи пядей во лбу нужно быть. Словом, загадочно, однако. Хотя мне почти все равно. Сука нацистская…

Девушка встала с кресла и, шурша тяжелым, парчовым халатом, подошла к шкафу. Достала бутылку и налила себе в бокал чего-то кроваво-красного. Затем вернулась в кресло и задала вопрос:

– Еще раз спрашиваю, откуда вы так хорошо знаете немецкий язык. Советую отвечать правду, так как от ответа зависит ваша судьба. Я давно уже подумываю подкинуть работы СД и сбагрить вас в его цепкие лапки. Отвечать.

– Детский дом. Моя учительница в детском доме считала меня самым способным учеником. И я всегда мечтал прочитать в оригинале Гёте и Гейне. Вот отсюда и результат. Больше мне нечего сказать, фрау гауптштурмфюрерин.

Как бы правду сказал… ну почти, а остальное ей знать не надо. Да и никому не надо.

Девушка, выслушав меня, склонила голову, немного помолчала и, отпив вина, поинтересовалась:

– Еще раз, только правду. Зачем вы меня спасли?

– Если я скажу правду, то ваш человек срежет мне голову. Вы же хотите знать реальные мотивы? Так что же мне делать?

– Не срежет… – эсэсовка сказала узкоглазому несколько слов на непонятном, каркающем языке. – Говорите.

Давление клинка на шею ослабло…

– Вы изумительно красивы, фрау гауптштурмфюрерин. Я поражен до самых глубин души. Такую очаровательную женщину, как вы, я в своей жизни еще не видел. Поэтому просто не смог допустить вашей смерти. Вот мои реальные мотивы.

– Так красива, что заставила забыть, что я ваш враг? – вопросительно склонила головку девушка, умело скрыв довольную улыбку.

– Для меня в тот момент данный факт не имел никакого значения.

А вот здесь я довольно сильно покривил душой. Красива, спору нет, но, честно говоря, я об этом не думал, когда лез в горящий домик. Да и не видно было толком красоту. Мог вполне и крокодил оказаться.

Словом… словом, я сам не знаю, зачем я это сделал. Есть подспудное чувство, что таким образом я постарался улучшить свое положение, но я эту поганую мысль гоню подальше.

А сказал я так, потому что чувствую, какого ответа ждет немка. Женщины!.. Если придурочный терпила лезет за ними сломя голову в огонь, единственный для них подходящий мужской мотив – это то, что он лезет именно за ней, такой красивой и восхитительной. Не претендую на истину в этом утверждении, но думаю, что очень близок к ней. К тому же, почему бы не выторговать своим поступком какие-нибудь плюшки. А то отдарилась пузырем шнапса и думает, что хватит? И совсем не стыдно и плевать на мужскую гордость, если это поможет мне каким-то образом выжить. Я никого не предаю, а со своим уязвленным самолюбием как-то справлюсь.

– Я так и думала. Обычный мужской мотив… – в этот раз немка не стала скрывать торжествующую улыбку и вдруг жестко поинтересовалась: – Кто вы по национальности?

– Русский. У меня в деле все указано, фрау гауптштурмфюрерин.

– Не надо врать! – жестко возразила немка. – У меня есть свидетельство того, что вы не славянин.

Вот даже как? Я невольно растерялся. Ну да… обмеряли черепушку во время медосмотра и все остальное тоже измеряли… Только бредни все эти теории…

– И кто же? Надеюсь, не еврей?

– Еврей? Не-ет!.. – возмущенно воскликнула немка. – Вы швед или финн. Возможно, норвежец или датчанин. Во всяком случае, так утверждают мои специалисты. Осталось только разобраться, почему в деле вы записаны как Жилин. Советую признаться. Или…

А вот тут я выпал в осадок. Реально выпал. Как бы понятно, что я исходно не Ротмистров и тем более не Жилин. Первую фамилию придумали в детдоме, а вторую я приобрел по случаю.

После того, как в абвере переломали мне все ребра, но так и не простимулировали желание сотрудничать, встал вопрос, а не расстрелять ли гонористого и тупого русского к чертям собачьим? Абверовец, склоняющий меня к сотрудничеству, оказался в чем-то порядочным, и расстрел заменили концлагерем. Хотя его порядочность в данном случае сомнительна. В принципе, меня ждал тот же результат, но немного затянутый по исполнению во времени.

По пути на эшелон, прямо в нашу теплушку, уронил бомбу непонятно откуда взявшийся «сталинский сокол», мать его ети, и половину пассажиров просто разорвало в клочья. Когда делали перекличку выживших, я назвался фамилией погибшего соседа по вагону, оказавшегося тоже воспитанником детдома, с которым как нельзя кстати успел довольно хорошо познакомиться по пути. Тем более рожами и возрастом мы были довольно схожие. А щетина и грязь вовсе исключили возможность различить обман. Вот так незамысловато я и стал Жилиным. Как выяснилось в дальнейшем – к счастью, ибо как член партии и красный командир, тем более НКВДшник, вылетел бы в трубу крематория без очереди. Хотя поговаривали, что для таких, как я, были другие, вполне нормальные лагеря, с терпимым режимом. Во что, честно говоря, не очень-то и верится…

– Я из детдома… – заявил я, справившись с растерянностью. – Родителей не помню. Знаю точно, что меня всегда звали Алексом или Александром. А вот про свою национальность ничего не могу сказать. Хотя и допускаю, что скандинавская кровь во мне есть. Так как припоминаю, что отец, возможно, был

царским морским офицером, а скандинавы в каком-то там поколении вполне могли служить в морском флоте царской России. Но, фрау гауптштурмфюрерин, я себя чувствую исключительно русским.

– Дело в среде обитания, но физиологию не обманешь… – категорично заявила немка.

Ну да… Это по-научному так звучит, а по-простому: «с кем поведешься, от того и наберешься». Вот только хрень дремучая – эти расовые признаки. Русский я точно. Но если надо, побуду и скандинавом. Ну-ну… посмотрим, чем это лицедейство закончится.

– Хотя шведский язык дался мне очень легко… – подпустил я туману. – Возможно, я знал его с детства, а потом забыл, когда беспризорничал.

На самом деле со шведским языком немного по-другому получилось. Основы мне дала та же Мирра Исааковна, а потом я ходил на курсы в училище, как кандидат на распределение в иностранный отдел наркомата. Да и одобряло руководство знание дополнительных языков. Но со службой не выгорело, по неизвестным мне обстоятельствам. А потом и рожу на Финской покарябало. Ну какой, спрашивается, нелегал с осколочными ранениями лица?

– Я – шведка! Катарина Гедин! – Немка… тьфу ты… то есть уже шведка, эмоционально вскочила, мелькнув в разрезе халата белоснежной ножкой, и разразилась длинной тирадой на шведском языке.

– Да, фрекен Гедин… – пришлось подтвердить. – Я действительно знаю шведский язык и виной тому та же учительница в детском доме, по национальности шведка. Кстати, благодаря ей я и выжил во время голода.

– Назовите ее фамилию! – потребовала шведка.

– Нильстрем. Софья Нильстрем, – уверенно соврал я.

Почти соврал. Софья Нильстрем – это реальный персонаж, сгинувший во время постреволюционной мясорубки в жерновах ОГПУ. Мы в курсантские времена знакомились с реальными делами тех лет, так вот там эта женщина и

мелькнула. Запомнил я ее только из-за фотографии. К делу была приложена фотография, и женщина на ней была сказочно красива. Настолько красива, что я почти влюбился в изображение. И вот надо же… пригодилось. Возможно даже прокатит, хотя я до сих пор не понимаю, к чему клонит шведка. Проверить данные факты практически невозможно. Война… Фрицевская разведка не всесильна, разве что шведка ее лично знает, что вовсе из области сказок…

– Что с ней!? – неожиданно бурно воскликнула девушка, потом взяла себя в руки и попросила: – Опишите ее.

– Очень красивая. Блондинка, пышные волнистые волосы. Возрастом около тридцати пяти лет, возможно даже больше, но выглядела именно на этот возраст. Кстати, глаза очень похожи на ваши, фрекен Гедин. Такие же льдисто-изумрудные…

Про глаза – моя совершеннейшая отсебятина. Фото черно-белое было, но уже ляпнул… и кажется – попал в точку.

– Так что с ней? – нетерпеливо выкрикнула шведка.

– Она скорее всего погибла. Знаю, что ее забрали в ОГПУ, ну а дальше… дальше сами понимаете, фрекен Гедин.

– Helvetet![3 - Черт побери (шв.).] – Шведка неожиданно запустила бокалом в стену. – Это моя тетушка по матери! Проклятые большевики! Моя семья потеряла ее следы сразу после революции. Отец рассказывал, что поиски не дали никакого результата, хотя выходили даже на большевистское правительство. Да, ее семья жила в России… муж у нее русский был, кстати, морской офицер. Но носила она свою девичью фамилию. А про детей своих она ничего не рассказывала?

– Нет, фрекен Гедин. Ничего…

Вроде в деле никаких деток не упоминалось, хотя я мог забыть… Врать не стоит, клятая эсэсовка может просто проверять меня на вшивость…

– Черт! – шведка разочарованно выругалась. – Ладно… При вашем согласии и достаточной уступчивости я могу поучаствовать в вашей судьбе…

Надо ли упоминать, что необходимую уступчивость я все-таки проявил?..

Глава 5

Где-то около месяца не ничего не происходило, видимо, даже для такой фигуры, как гауптштурмфюрерин СС Катарина Гедин, вытащить из концлагеря военнопленного было очень непросто. Или она просто не торопилась?..

За это время в нашей тюряге произошли некоторые изменения. Кормить стали гораздо хуже, да и режим ужесточили. Охрана тоже зверствовать стала, не в пример, чем раньше. С чем это было связано? Не знаю, но так как нас внезапно стали гонять на строительство укреплений по побережью, то догадываюсь, что дела у фрицев на фронте не совсем в порядке.

И еще… Нас осталось всего полтора десятка человек. Остальных, скорее всего, вынесли из бункера в резиновых мешках. Млять…

Наконец меня отконвоировали в комендатуру, где пришлось подписать кучу бумажек, после чего я попал в рабочий батальон. Катарина Гедин свое слово сдержала.

Получил старую, чуть ли не времен Первой мировой войны, немецкую форменку с зеленым треугольником на груди, раздолбанные сапоги и стал трудиться на благо Рейха, етить его в душу. Мерзко, противно, но зато относительная свобода и гораздо больше возможностей осуществить побег. Стоит оно того? По мне – так стоит. О том, что будет после того, как доберусь до своих, пока не думаю.

Зачем думать?.. Знаю я. Знаю, но очень надеюсь, что информация, которую я принесу в клювике, сыграет свою роль. Хотя сильно не обольщаюсь. В общем, видно будет.

Состав рабочего батальона? Ну что вам сказать… Я бы, особо не раздумывая, утречком на рассвете скосил бы из пулемета девяносто восемь процентов личного состава. Остальных на Колыму, на перековку. Мразь на мрази и сволочью погоняет. Хотя – не все, есть и порядочные люди, попавшие туда случайно. Но в очень незначительном количестве.

В батальон постоянно наезжали рекрутеры из разных добровольческих частей, но особый урожай им снять не получалось. Тут советскую власть, конечно, все люто ненавидели. Ой как ненавидели. У всех личные обиды. У того – заводик у деда отобрали, у этого – национальное самосознание вдруг проклюнулось. А третий вообще с пеной у рта доказывает, что всему виной «кляти москали». И все поголовно верят, что фрицы отобранное Советами им с радостью вернут. И заводик, и деревеньки, и самостийность будут уважать, и вообще рай земной в бывшем Союзе устроят. Но вот воевать вместе с фрицами почему-то они не хотят. Ну да, можно же головушку сложить… а тут кайлом в разминочном режиме помашут, а там, глядишь, все и без них как-нибудь устаканится. Кормят, охраняют, даже хаять советскую власть и стучать на соседей по бараку никто не запрещает. Благодать!

Тьфу, мля, оппортунисты, троцкисты, недобитки и просто гандоны штопаные…

Ну ничего, придет время…

Сука, так и хочется в глотку вцепиться, хотя если призадуматься, сам немногим лучше… Но лучше! У меня есть цель, к которой я вот таким мерзким образом иду. Выхода другого нет.

От конфликтов спасало лишь то, что прямо с подъёма я отправлялся в усадьбу Герды Гедин, где и проводил все время до отбоя, а иногда даже оставался ночевать в сарайчике. Работы по хозяйству хватало, порой я ее сам изобретал, лишь бы не возвращаться в казарму. Вот беседку построил и сад в порядок приводить начал…

И потихоньку к причалу с катерами воду с продуктами стаскиваю и прячу в тайнике.

Да. Собираюсь уходить водой.

Да. Сам.

А остальные?

Я же не волшебник и не самоубийца…

– Это убрать! – Мимо меня к машине протопал Брад, походя ткнув пальцем в инструменты и кучу веток. – Госпожа приезжать. Сам сидеть сарай и ждать приказ.

Брад… ну это я его так называю, настоящее имя гуркха толком не выговоришь. Браджхап… Бранджап… короче, Брад и все. Он уезжает на аэродром встречать госпожу… тьфу ты… шведку из Берлина.

С ним мы вроде поладили… Хотя кого я обманываю. Относится он ко мне, как к пустому месту, еще и с непонятным презрением. Как-то ляпнул, что воин, сдавшийся в плен, достоин воплощения жабы в новой жизни. Какое воплощение? Какая жаба? Сам ты жаба плоскомордая. Мутный он до предела. В комнатке у Брада стоит вырезанная из дерева многорукая баба с ожерельем из черепов на шее, и губы какой-то хренью у нее намазаны. Тьфу…

И воняет там каким-то дурманом. И сам он, бывает, нажрется какой-то дряни и сидит часами на корточках. Качается и мычит… Я бы на месте шведки его на пушечный выстрел к себе не подпускал. Хотя предан он ей, этого не отнимешь. Да и кинжалом орудует – обзавидуешься. Видел, как тренируется за своим домиком. Хотя… пока еще нет, а вот восстановлюсь окончательно, думаю, с ним справлюсь. Это так. В порядке самовосхваления.

Эсэсовка тоже на меня практически не обращает внимания. За все время, что я у нее работаю, даже слова не удостоился, не то что похвалы. Хотя правды ради скажу: сам практически ее не вижу. Пропадает фрау гауптштурмфюрерин на базе днями и ночами. Но иногда ловлю на себе ее взгляды…

Дождался, пока «хорьх» выедет со двора, закрыл ворота и шмыгнул за дом. Дверь-то на замке, а вот кухонное окно очень легко открыть проволочкой. Снял башмаки и босиком юркнул на кухню. Минимум час времени у меня есть, должен

успеть…

По пути слямзил со стола ломоть хлеба, аккуратно стянул кусочек сыра с подноса и, жуя на ходу, на цыпочках поднялся на второй этаж. Только бы кабинет был не закрыт…

Клацнула дверная ручка, дверь мягко открылась…

Есть!

Тот самый кабинет, в котором решилась моя судьба. Та же коллекция ружей и пистолетов. Те же шкуры, звериные морды и глиняные языческие божки. Бар с покрытыми пылью бутылками. Роскошный камин с кованой фигурной решеткой. Большая радиола «Телефункен» в корпусе из красного дерева. Красивая старинная мебель.

Хорошо устроилась буржуйка. Что у нас еще?..

Фото в резных рамочках. Вот она на охоте – ножку изящно на здоровенного оленя поставила и с винтовкой в руке позирует. А здесь шведка в смешной четырехугольной шапочке с кисточкой и в черной мантии. Совсем еще юная. А на этой, с эсэсманами в больших чинах, на фоне флага со свастикой позирует. Когда это в СС белые парадные мундиры ввели? Хм… Отстал я от жизни. Ввели, значит. Ого… это же сам геноссе Гиммлер. М-да…

А это?…

Мамочки…

Ох и хороша, стервь!..

Неизвестный фотограф запечатлел эсэсовку в полностью обнаженном виде, стоящую по колени в морском прибое. Красиво… Нимфа, ептыть… Ручки вытянуты вверх, идеальная грудь, торчащие маленькие сосочки, талия изящно выгнута. Гм… натуральная блондинка. И спортсменка. Плечевой пояс хорошо развит… Ножки накачанные…

Ох-х… Твою же мать! Я без бабы уже хрен знает сколько. Когда фрицы лупасили почем зря и голодом морили, как то про женский пол не вспоминалось, а как оправился, вишь потянуло…

Да и черт с ней. Я сюда пришел не на фотографии рукоблудить…

Значит, отворачиваемся презрительно от голой девки и направляемся к столу.

Черт!.. На столе ни бумажки!

Сейф в тумбе стола?..

Тоже закрытый!

Второй?..

Тоже.

Ящики?..

Есть!..

Осторожно вытащил ящик из стола и, убедившись, что сигнальных маячков нет, стал выкладывать вещи на зеленое сукно.

Два десятка маленьких пистолетных патрончиков в коробочке. 9 17 Kurz?.. Ага, вот же и пистолетик под них. «Вальтер PPK». Тот самый красивенький, который она чистила при мне. Запомним. Маломощная игрушка, но на безрыбье и сам ракообразным станешь. Ружья и пистолеты в шкафах – бери не хочу, а вот боеприпасы к ним в закрытом сейфе. Так что и эта «пукалка» сойдет. Получится, прихвачу. Если что…

Дальше.

Блокнот… Формулы, формулы… перерисовки от руки каких-то древних надписей… Каракули какие-то? Иероглифы, что ли? Что-то типа карты,

рисованной от руки… Ни хрена не понимаю. Но когда буду отчаливать, блокнотик попробую прихватить. Пригодится…

Несколько вскрытых писем… Ага… это от родни из Стокгольма… Так… Так… Ерунда все. В сторону.

Костяной нож для вскрытия писем, коробочка со шпильками и булавками. Медная фигурка какого-то божка и медная же пирамидка с непонятной вязью по сторонам. Стопка газет… Золотое колечко с красным камушком, почему-то завернутое в бумажку… Фотографии в конверте…

Фотографии?

Очень интересно…

Горы, чернеет вход в пещеру, какие-то грубо вытесанные статуи из камня. Десяток людей, закутанных в меха, с ледорубами в руках. Вот и сама шведка. В смешной вязаной шапочке с помпоном, тоже с рюкзаком и полноразмерным «маузером» в деревянной кобуре на поясе. Совсем не женский выбор оружия. Рядом парочка узкоглазых аборигенов и…

Что за хрень? Зима же! Точно зима, вон с карнизов лед свисает и снег у них под ногами. Поземку видно. Бред какой-то. Лысый, узкоглазый мужик в светлом балахоне и босиком. Да… Балахон на голое тело! Очуметь! Может, в плен взяли и раздели? Фашисты и не на такое способны. Хотя вряд ли. Стоит довольный и лыбится еще. Дурачок какой-то.

А это? Еще непонятней… Темноватое изображение, видимо, со вспышкой в пещере снимали. Какие-то вытесанные из камня геометрические фигуры… и большущий черный, блестящий кристалл причудливой формы.

М-да… Еще геометрические фигуры, теперь, кажется, из бронзы… Совсем ничего не понятно, но ясно одно. Если ко времени побега эти фотографии будут еще в столе, то они отправятся со мной. Может, как раз ими я свою жизнь у бывших коллег и выторгую. Идем дальше…

Томик Библии… с этим все понятно. Фрау добрая католичка… нет, протестантка. Шведка все же. Они католицизмом сроду не увлекались.

Листочек бумаги с написанными карандашом столбцами четырехзначных цифр, сложенный пополам. Опять математические вычисления или формулы. Это неинтересно.

Вот и все. Больше ничего нет, а остальные ящики стола заперты. Обидно-то как. Обидно, но ладно. Позже попробую еще раз наведаться. До сезона туманов еще долго, а раньше бежать морем чистое самоубийство.

Теперь все аккуратно на место…

Предварительно протерев чистой тряпицей…

Строго в обратной последовательности…

Вот. Порядок. Пальчики на столе протрем, последний взгляд на шведские сиськи на фотографии и во двор. Сказано сидеть в сарайчике и ждать приказаний. А я работник исполнительный. Пока…

Гауптштурмфюрерин Катарина Гедин вернулась из поездки уже не капитаншей, а вполне настоящим майором. Штурмбанфюрерин – так теперь, на эсэсовский лад, будет звучать ее звание.

М-да… Растет на глазах, сука. Значит, успешно дела у нее идут. Хотя почему-то приехала злая, словно стая кошек. Даже на Брада нарычала, а я благополучно успел свалить с глаз долой.

Пока мыл машину, в доме было тихо, только взметнулось над каминной трубой лёгонькое облачко дыма и всё. Потом включился свет в ванной. Брад тоже закрылся у себя в домике, оттуда сразу потянуло той гадостью, которую он курил или дышал… Хрен их поймешь, гуркхов этих. В чем-то нацики правы в своей теории расовой неполноценности. Шучу, конечно…

Неожиданно на балкончике появилась шведка и повелительно махнула мне рукой…

– Можете быть сегодня свободным, Алекс. Да… возьмите на кухне пакет. Там немного еды. Завтра – как всегда.

– Благодарю, фрау штурмбанфюрерин, и, пользуясь возможностью, поздравляю.

Шведка молча отмахнулась и скрылась в доме.

М-да… Она чем-то серьезно огорчена. А я думал, что просто злится. Странно… Почему-то растеряна, даже ошарашена… Загадка, однако, но собственно, мне все равно.

В пакете оказалась булка серого хлеба, несколько банок консервов, маленькая пачка чая и пакетик сахара. Щедро…

Быстро собрался и свалил в казарму. Темнеет, а за опоздание на проверку можно и в карцер угодить.

По пути немного свернул в сторону и быстро спрятал консервы в тайник, который устроил в заброшенной дренажной трубе. Ничего особенного припасти пока не успел. Так, старый ранец, продукты, кое-какая одежонка, фонарик и старый, сточенный штык от немецкого карабина. Совершенно случайно нашел его в сарае у шведки.

Ну вот и порядок. Вроде не спалился. Теперь одним глазком на причал глянуть… все равно мимо прохожу.

Причал не военный, прогулочные лодки и несколько гражданских небольших катеров. Рядом будка, где скорей всего хранится топливо и весла. Ну и пост, как водится. Четыре солдатика с пулеметом и фельдфебелем во главе. Вот только ночью они стоят по двое, а остальные спят в той же будке. По побережью, конечно, гуляют патрули, но при должном везении могу проскочить.

Вполне нормальная ситуация. Сложновато, конечно, но работать можно. Солдатики умрут, а я попытаюсь завести катер и свалить. С сентября сильные

туманы над морем стоят, иногда целыми днями, так что можно далеко уйти. Шансов, конечно, мало, практически совсем нет, но и выхода другого нет. Хотя бы попытаюсь.

Ага, все на месте… Какого хрена!..

Неподалеку от причала заканчивали устанавливать зенитную батарею и прожекторный пост… Сука!..

Да казармы добрел, едва сдерживаясь, чтобы не заплакать. Ну как так? Все коту под хвост…

После проверки меня вызвал в свою каптерку фельдфебель Довбыш. Да, собственно, какой он фельдфебель, немцы назначили присматривать за порядком среди личного состава. Всех прав-то: покрикивать на личный состав, проводить проверку, самому не работать, ну и стучать на совершенно законном основании. Такое же быдло, как все мы, только вот в звании фельдфебеля.

Совершенно непонятный мужик. Сам из Саратова. Сын раскулаченных середняков. В плен попал в сорок первом. Говорит, контузило, очнулся уже в плену. И действительно контузило, вижу, щека до сих пор дергается. Советскую власть почти не хает, про раскулачивание своей семьи не вспоминает, немцев тоже особо не хвалит. Говорит, помыкался по концлагерям в плену и номер, набитый на запястье, показывал. С виду солидный, немногословный мужик. Сам себе на уме. И авторитетом пользуется. Почему-то особенно среди уголовников, которых в батальоне хватает. Мутный тип, одним словом…

– Как дела, Сань? – фельдфебель показал рукой на табуретку перед ним.

– Как всегда, Ионович. Устал как собака.

– Да я и смотрю, чевой-то ты невеселый. – Ионович снял со стеклянной банки крышку, и по каптерке поплыл аромат круто заваренного чая. – Чифирю хлебнешь?

– Хлебну…

– Вот и ладненько. – Фельдфебель ловко налил в кружку черного варева и сунул ее мне в руки. – Рассказывай давай.

– Что именно? – Я сделал пару обжигающих нёбо глотков и передал кружку Ионычу.

– Что, что… Как ты умудрился так быстро перекраситься? Чего глаза вылупил. Я пока по-доброму спрашиваю. Может, что и придумаю, как тебе помочь. Сам же видишь, пока я с тобой общаюсь, а не абверовцы.

В глазах у Ионыча блеснули колючие, злые огоньки.

М-да… беда никогда не приходит в одиночку. Да что за напасть такая… Стоп, стоп… как-то все не складывается…

– Я вот не могу понять, Ионыч… Вот зачем тебе меня на понт брать? Если что надо достать, ты так и скажи. Я попробую. А гнилые базары разводить не надо. – Я поставил кружку на стол и жестко глянул на фельдфебеля.

Ну в самом же деле. Если бы подозрение реальное было, то из меня бы уже давно мешок с дерьмом сделали. Ну-ну… посмотрим, что скажет…

– Ты не рычи, сявка! – У Ионыча в голосе прорезались стальные нотки. – Слушок пошел, что ты перекрашенный коммуняка и рыльце у тебя кровью правильных пацанов замазано. Что скажешь? Или прогуляемся к господину гауптману Херцогу?

Тьфу ты… твою же мать… а я уже успел реально на измену сесть. Шпана, млять… А я гадал, кого он мне напоминает своими манерами. Хорошо посидевший уголовник… Не в законе, конечно… Гораздо мельче. Сука… как же хочется вырвать тебе кадык, уродец, но нельзя… Твою же кобылу в дышло…

– Пошли. Мне скрывать нечего.

– Ну-ну… Герой, значит? – Ионыч прищурился.

– Ты бы сказал, что надо. Я действительно устал. Говорю же, если в моих силах, то сделаю. А давить на меня бесполезно. Если нет, то пошел я отдыхать.

– Что надо? – Ионыч задумался на секунду. – Да, надо. Проверочка это была. Вижу, что не сявка, и на понт тебя не возьмешь. Тут такое дело…

Следующие полчаса он очень туманно намекал, что в батальоне есть надежные люди, которые готовы совершить побег. А я могу им очень помочь, так как работаю в том секторе, куда у них доступа нет. И было бы очень хорошо, если бы я составил расписание движения патрулей по побережью и достал бы какое-нибудь оружие. Но самое главное, это провентилировать свою хозяйку на предмет сочувствия к заключенным. Типа есть сведения, что она им помогает, как-то замазана с антифашистским сопротивлением. И вообще последить за ней на предмет компры.

М-да… это фрау штурмбанфюрерин замазана? Какой же идиотизм. Короче, одной пользы от разговора, что чаю на халяву напился. Примитивное разводилово. Ну право дело: первый класс, вторая четверть…

Дождавшись, когда фельдфебель наконец заткнется, я поставил пустую кружку на стол и, поймав его за воротник, дернул к себе. Ионыч попытался вырваться, но я его легонько хлопнул сложенной лодочкой ладонью по уху…

Ага… проняло. Знаю, больно. Очень больно. Да не кривись, не кривись, перепонка целая, я же слегка.

Потом, глядя прямо в искаженную болью морду фельдфебеля и криво улыбаясь, проговорил:

– Слышь, Ионыч, а я тебя за толкового пахана держал. Вижу, ошибался. Если ты, парашник, еще раз подкатишь ко мне с такими базарами, то я тебя недолго думая вломлю с потрохами. Не местным, а своей хозяйке. И тогда ты, фраерок, будешь опять стоять в очереди в «газенваген», а не понты здесь корявить. Ты меня понял? Вижу, понял. Ну так я пошел? А сахарок вот этот возьму. Благодарствую. Грешен, люблю сладкое…

Расстелил свою койку, лег и почувствовал, что очень сильно устал. Не физически, а скорее морально. И немудрено. Как еще совсем с катушек не

слетел за время, проведенное в плену? Да и сегодня день выдался особенно пакостный.

Дело, собственно, житейское. В любом случае что-то подобное рано или поздно случилось бы. Надо же как-то фельдфебелю свою пайку отрабатывать. Вот он и старается, в меру сил своих скорбных. Конечно, проблемы могут быть. Может и подловить ночью со своей уголовной шоблой. Хотя вряд ли. Но на всякий случай посплю недельку вполуха…

Стоп… а какого хрена он дорожку протаптывал к моей фрау штурмбанфюрерин? Явно не его уровень… Антифашистка? Что за бред, да и зачем оно надо мелкой уголовной сявке. Стоп! Твою же мать!

Перед глазами как на фотографии проявились писанные от руки четырехзначные столбцы цифр на листочке, который я сегодня рассматривал в кабинете…

Ты клинический идиот, Санек! Совсем забыл, чему тебя учили… Это же шифрограмма! Точно!.. Сразу же после того, как шведка вернулась, над трубой взлетело облачко дыма… Тогда все складывается. Похоже, она этот листочек как раз и спалила. И остальную компру с ним вместе. Конечно, такого идиотизма, как бросать шифрограммы в столе, профессиональный разведчик не допустит, но кто говорит, что она профессионал?.. И Довбыш не зря про нее заговорил, работает по поручению, как пить дать…

Все равно не складывается. Звание дали, с рейхсканцлером ручкается… Хотя, чтобы эту эсэсовскую кухню понять, надо в ней повариться, а я как-то в другой вращался. Много общего, но нюансы все-таки разные. М-да…

Ее могут просто вести в порядке общего надзора. А награждение и все прилагающееся, потому что реальных фактов пока нет, а то и вообще возможно для того, чтобы притупить бдительность. Или вполне могут быть обычные терки между ведомствами. Каждый старается друг друга мордой в дерьмо макнуть. Обычное дело. Как у нас, так и у них. М-да… не угадаешь. Исходных данных маловато.

Так на кого она работает? Неужели на наших?! Или на союзников, мать их ети!..

Да что же за день сегодня!..

Ой-ой, как же все хреново…

Похоже, светлая полоса жизни заканчивается.

Спать сразу расхотелось.

– Жилин, марш в канцелярию. Бегом. – Возле кровати неожиданно нарисовался дневальный.

Опять фельдфебель? Да нет… рожа у дневального заполошная, местами даже перепуганная, даже запыхался от усердия болезный. Тогда кто?

Глава 6

– Господин гауптман, к чему было этот цирк устраивать? Дело серьезное, я всегда готов помочь Рейху, но к чему этот клоун?

– Гм… – гауптман Курт Клейнерман немного смущенно кашлянул. – Это была небольшая импровизация, причем не моя. Я думаю, инцидент исчерпан, Жилин. Насколько я понимаю, вы согласны сотрудничать.

Согласен ли я сотрудничать? Конечно, согласен. Я решительно согласен с того самого момента, как, открыв дверь канцелярии, увидел вот этого гауптмана. Ибо вариантов других у меня нет.

Полноватый, рыхлый гауптман разрешил сесть и представился. Затем предложил чаю. Прямо дежавю какое-то. Или методика четко прописана. Затем четко и сухо обрисовал мне мои перспективы, если я не пойду на сотрудничество. Ну и про вкусные плюшки в обратном случае не забыл. В плюшки я не верю, а вот в крематорий вполне.

Мне предлагалось установить негласный контроль над Катариной Гедин и ежедневно отчитываться по ней. Для чего и зачем, не сообщили, да я и не спрашивал. Определили приоритетные моменты. Гости, поведение, распорядок, словом, практически всё. Это же касалось Браджхупала Радсурти, ее слуги и телохранителя.

Действительно, я, получается, чуть ли не идеальный кандидат на роль недреманого ока. Гостей постоянных в доме не бывает. Шведка, как ни странно, убирается сама, готовит и стирает тоже. Гуркх тоже обихаживает себя сам. Пайки и необходимые в хозяйстве мелочи доставляют специальные посыльные, но дальше порога ворот Брад их не пускает. Вообще, никого не пускает. Значит, проследить, получается, кроме меня больше некому.

К тому же гауптман очень доходчиво дал понять, что если я вздумаю вилять, запереть меня куда-нибудь в Майданек или Маутхаузен труда ему не составит, и Катарина Гедин, даже при всем своем желании, не поможет. Так как это совсем не в ее юрисдикции, и она, чтобы перевести меня, обращалась чуть ли не к самому рейхсканцлеру.

На завтра поручили совершить маленькую диверсию. С утра, пока шведка на работе, меня обязали закоротить распределительный щиток во дворе. Так как гуркх ни хрена в электричестве не соображает, то приедет специальная бригада электриков. Я же, в свою очередь, буду обязан, в меру сил, отвлекать непальца от их сопровождения. Хотя пока еще толком не понимаю, как это сделать.

Собственно, я не идиот, известно, чем будут заниматься так называемые электрики… Все стандартно…

Твою же мать! Вот и гадай: плотно за шведку взялись, или это обычное оперативное сопровождение в рамках стандартной шпионобоязни. Млять… Сука, ну почему не все слава богу! Кого я там прогневил?!

Ну и по ассортименту плюшек, который мне озвучили. Должность взводного в рабочем батальоне и спокойная работа с приличной пайкой. Без вариантов отправки на фронт. Видимо, со здешним контингентом пообщались и понимают, чем можно гарантированно приманить.

Ну и что мне делать? А если шведка действительно шабашит вне своей основной деятельности? На наших или, скорей всего, на союзничков… Очень маловероятно, но допустить такой вариант все же можно…

Спал хреново. Даже совсем не спал, а ломал себе голову… Под утро устал думать и решился.

Утренняя операция прошла без сучка и задоринки. Делов-то… В щитке заискрило, повалил вонючий дым, электричество пропало на всей улице. Брад как раз собрался отгонять «хорьх» к механику, но пришлось задержаться. Он долго носился вокруг щитка с умным лицом, матерясь на своем языке, а потом поручил разбираться мне и все-таки свалил в автомастерскую. Бригада электриков моментально нарисовалась во всеоружии. Вот как бы и всё…

К возвращению гуркха все уже было готово. Он как по заказу задержался и прямо из мастерской поехал за шведкой на базу. Так что техники все успели. Умелые ребята. Даже войлочные тапочки и веник с собой привезли.

Сама скандинавка происшествию должного внимания не уделила… – ну и дура. Но я-то не дурак…

Сразу после того, как она закрылась в ванной, а Брад заперся у себя в конуре, я забрался в кусты позади дома и метнул камешком в окошко. Через секунду нарисовалось гневное личико шведки в облачках пены. Разглядев меня, она раскрыла свой очаровательный ротик, чтобы заорать, но увидела в моих руках фанерку, на которой угольком на шведском языке было написано: «Фрекен Гедин, меня вчера завербовал абвер, а во всем доме электрики установили подслушивающие устройства».

Ротик у шведки без звука захлопнулся. Она красноречиво покрутила пальцем у виска, а потом гордо задернула занавеску, мелькнув все-таки кусочком сиськи. Но орать и вызывать патруль не стала. И то хлеб…

Ну что же… Я свое дело сделал и совесть у меня чиста. Почему я поступил именно так? А хрен его знает? Внятного мотива я для себя так и не придумал. Скажем… скажем, что по какому-то наитию. И точка. Толком сам не понимаю.

Стер надпись и разломал фанерку. Закончил работу и отправился вечером в батальон, где добросовестно описал все сегодняшние события. За исключением фанерки, конечно. Гауптман просто лучился довольством и даже подарил мне начатую пачку дерьмового печенья. От чистого сердца, так сказать. Хотя по поводу его простоватого вида я не обольщаюсь. Сразу говорю, он профессионал до мозга костей, а простофилю только изображает. Настолько профессионал, что даже не уловишь у него во взгляде обычного для немцев презрения к остальным нациям. А подобное лицедейство дорогого стоит. Я точно знаю, что нашим курсантам, обучаемым на соответствующих факультетах профильных заведений, даже уроки актерского мастерства преподают. Вот так-то…

И еще, я почему-то подумал, что над фрау штурмбанфюрерин установили негласный контроль, без всякого повода с ее стороны. Все-таки государственным делом занимается, наших деятелей науки всегда автоматически под колпак ставят. А про шифрограмму мне привиделось. Мало ли что на листочке было написано. Вполне и формулы могут быть.

Следующим днем шло воскресенье, поэтому фрекен Гедин на работу не отправилась, а засобиралась в дюны пострелять пернатую дичину и вообще пострелять. Меня тоже привлекли в качестве рабсилы: тягать столик со стульями, кучу продуктов, чехлы с ружьями и винтовками. Коробки с патронами и кучу остальной ненужной хрени. Странно как-то шведки охотятся. Я вот в свое время, когда на Маркизову лужу уток стрелять собирался, кофейный сервиз как-то не додумывался брать.

Одним словом, буржуи, что с них возьмешь…

– Вы меня удивляете, Алекс… – Шведка положила на плечо переломленную двустволку и направилась в сторону пляжа.

Я брел позади нее, обвешанный чехлами с ружьями, и никак не мог оторвать взгляд от идеального задка девушки, обтянутого замшевыми лосинами.

М-да…

Высокие сапожки из оленьей замши, обтягивающие лосины. На широком поясе из тисненой кожи висит короткий кинжал с рукояткой из оленьего рога. Свободная шелковая блузка оливкового цвета и легкая короткая кожаная курточка с множеством карманчиков. А завершает образ маленькая тирольская шляпка с фазаньим пером. В ушках причудливые сережки блестят немаленькими камешками. Хороша буржуйка!

– Чем, фрекен Гедин?

– Я подумываю вас все-таки отправить в соответствующие органы… – задумчиво проговорила шведка, не обращая внимания на мой вопрос. – Это же неслыханно! Вломились ко мне в ванную, якобы сообщить о том, что завербованы абвером. Ну и что я должна делать, спрашивается? Как я должна реагировать? Я и так это давно подозревала.

– В ванную я не вламывался…

– Фрекен Гедин… – добавила шведка, перебив меня. – Не забывайтесь.

– Не вламывался, фрекен Гедин, – послушно добавил я. – И вообще, оставим мотивы моего поступка в стороне. Неважно.

– Нет, важно… Стоять! – Шведка вложила патроны в ружье и ловко сбила двух чирков из налетевшей со стороны моря стайки. – Вот так. Принесите их сюда быстрее…

– Я вам что, собака? – не выдержал я и скинул чехлы с ружьями на песок.

Тьфу, млять… вот же сучка. Да и я тоже хорош. Заподозрил ее в том, на что она совершенно не способна. Сука! Кукла бездушная. Нацистская сволочь.

Вот так… и будь что будет. Надоело. То ли дело, наши советские девушки. Добрые, покладистые… М-да… конечно, лишку хватил, но все равно они лучше.

– Ну пожалуйста!..

Я поднял глаза и увидел, как шведка хитренько улыбается.

– Вы же мужчина, Алекс, и не заставите меня бегать…

Во, мля… Ну не сучка?

– Не заставлю, конечно, а вообще, я уже начинаю жалеть, что спас вас из пожара…

– Хам!.. Варвар!.. Отправлю в концлагерь!.. Потом…

Находясь в совершенно ошеломленных чувствах, я побрел за дичиной, а уже возвращаясь, неожиданно увидел камуфлированный «опель-капитан», подкативший к нашему «хорьху», рядом с которым Брад устраивал полевой лагерь. И в открытом кузове «опеля» виднелись мышиного цвета фуражки вперемежку с касками.

Брад, размахивая руками, стал показывать визитерам в нашу сторону…

– Фрекен Гедин?

– Не переживайте, Алекс…

Шведка спокойно направилась в лагерь, ну а я… я побрел следом, пытаясь утихомирить бешено бившееся сердце. Сука… чую, неспроста мыши эти понаехали. Если в лаборатории случались нештатные ситуации, то ей просто звонили или приезжал «опель-блиц», но никак не автоматчики…

– Оберст Эрнст Клозе, – откозырял Катарине приземистый крепыш с породистой рожей, пересеченной красным уродливым шрамом, и рыцарским крестом на мундире.

Два автоматчика, в роли силовой поддержки почему-то выступали парашютисты, рассредоточились по сторонам, причем один из них направил свой автомат на меня. Гауптман, сопровождавший полковника, отстегнул застежку на крышке кобуры…

– …вам необходимо проехать с нами для прояснения некоторых обстоятельств…

Господи!.. то есть Маркс! Так это правда?.. Катарина – шпионка?.. Но какого хрена ее арестовывают парашютисты? У оберста и гауптмана «чайки» в петлицах и значок с пикирующим кондором присутствует. Странно…

– Хорошо, оберст, но мне надо заехать домой переодеться. К тому же я поеду на своей машине.

– Вы поедете с нами и на нашей машине, – нахмурился оберст. – Это простые формальности, так что много времени они не отнимут.

– Что вы себе позволяете, сегодня же об этом произволе узнает рейхсканцлер! – зло выкрикнула шведка. – Я никуда с вами не поеду…

– Вы поедете! – полковник нетерпеливо схватил Катарину за руку и дернул к себе. – Проклятая предательница…

Договорить он не успел…

Хороший арест – это тихий, спокойный арест, а лучше всего, когда клиент сам приходит на прием. Все театральные эффекты от лукавого и признак жесточайшего непрофессионализма. Я уверен, абвер сработал бы гораздо аккуратнее. Но люфтваффе далеко не абвер. Значит, получайте. На войне непрофессионализм влечет за собой только смерть.

Последующие события запечатлелись у меня в памяти как череда стоп-кадров…

Брад, как распрямленная пружина, крутнулся – и блеснувший в воздухе клинок кукри с жутким хрустом срубил полковнику голову. Фуражка покатилась по песку, а голова свалилась вперед на грудь, удерживаемая только лоскутом кожи.

Визг Катарины – и фонтан нереально яркой, красной крови, взмывший в воздух.

Гауптман успевает вытащить «вальтер» из кобуры, но хищно изогнутое лезвие уже по рукоятку торчит у него в груди…

Что было с ним дальше, я не видел, потому что, сбросив на песок чехлы с ружьями, всем телом повис на автоматчике, разворачивая его в сторону второго стрелка. Удалось подбить немцу руку, и автомат выплюнул очередь прямо в живот второго парашютиста, не успевшего вскинуть свое оружие.

Клятый германец, увидев, что застрелил своего же товарища, заревел и сделал попытку перебросить меня через себя.

– Мля-а-ать… – Чувствуя, как взлетаю в воздух, я зацепил сгибом локтя подбородок фрица и, соскальзывая, сильно дернул его в сторону и вверх.

Чистейший экспромт, но это единственное, что я могу сделать. Фриц габаритней и сильнее намного. Боров, мля… тевтонский…

Хруст, невнятное бульканье…

Автоматчик как мешок с тряпьем свалился на песок. Рядом брякнулся автомат.

– М-мать… – Я сам упал на колени и постарался вдохнуть хотя бы чуть-чуть воздуха. Ну не восстановился я еще. Продышался, поднял голову и увидел, как шведка стоит на коленях перед Брадом, а сам гуркх сидит, оперевшись на машину, и прижимает руки к животу. А под ними, на рубашке, расползается кровавое пятно…

– Фрекен Гедин, может, вы мне объясните, ради чего я только что сунул свою голову в петлю? – заорал я, вдруг нешуточно разозлившись. – И что нам теперь, черт побери, делать?

– Не кричите, – сухо ответила шведка. – Помогите лучше его перевязать. Браджхупал ранен.

– Вижу, что не споткнулся. – Я отвел руки гуркха, разорвал фланелевую рубашку и увидел сочащуюся кровью, чуть припухшую дырочку чуть повыше пупка.

М-да… без врача здесь не обойтись. Иначе перитонит и смерть, причем весьма неприятная, в мучениях.

Разрывая упаковку перевязочного пакета, который нашел в кармане у одного из десантников, поинтересовался у шведки:

– Ваши планы? Его надо срочно к врачу. Да и нам не мешает куда-нибудь убраться. Думаю, уже через час здесь будут все прочесывать. И вообще, вы же никого пока не убили, с нами-то понятно, но насколько все серьезно для вас?

– Серьезно? Да, серьезно. Пытки и виселица… – спокойно ответила шведка. – Но мне надо срочно домой…

Потом посмотрела мне в лицо и, смутившись, добавила:

– Забудем про дом. На аэродроме стоит мой «физелер-шторьх». Мы должны в него поместиться, и я смогу перелететь… куда, конечно, топлива хватит. Если не собьют… Но на малой высоте можно попробовать. Или «хейнкель» можно захватить. Теоретически я его смогу поднять в воздух. Есть еще один вариант, но он на самый крайний случай. Да и сомневаюсь я, что вы на него согласитесь.

– Знаете что, фрау Гедин!.. – закипел я, но потом резко успокоился.

А чего это, спрашивается, я возмущаюсь? План побега, сам по себе и без особых моих усилий, воплощается в жизнь. Вот и летчица нарисовалась. Я же не собираюсь сидеть здесь до наступления коммунизма… или нацизма… или еще какого-нибудь «изма». Да и вечно жить не получится…

– Помогите мне его перегрузить в машину и вытрите наконец-то кровь с лица. На постах вы должны выглядеть очаровательно, – бросил я шведке. – Затем разболтайте в стакане воды три ложки соли и дайте выпить Браду. Ему будет больно, но от перитонита на некоторое время спасет.

Сам принялся быстро освобождать от формы парашютиста.

Ну да… будем пробовать. Больше ничего не остается. В голове сложился план…

Оглядел себя в боковое зеркало машины. Я напялил полную форму немецкого парашютиста люфтваффе из полка «Герман Геринг» и очень непривычно себя в

ней чувствую. Нет, удобно, по уму пошита форменка, но все равно непривычно. Кстати, на свое последнее задание я ходил точно в такой… Да, так случается, особенно в частях особого назначения, хотя согласно Женевской конвенции, переодевание в форму противника является деянием, полностью подпадающим под определение военного преступления, и влечет за собой соответствующие последствия. Идиотизм. Да и хрен с ней, конвенцией той, все равно ее никто не соблюдает. Ну и я, соответственно, тоже.

Ладно, пойдет, фриц как фриц. Морда наглая, почти арийская. А на остальное наплевать. Автомат при мне, четыре магазина к нему удобно устроились в подсумках, еще один в приемнике, кинжал на поясе и «парабеллум» в кобуре. Запасной магазин к нему тоже присутствует. Гранат, жалко, нет, но зато прыжковые ботинки точно впору пришлись. А это немаловажно. Жить можно, впрочем, и умереть тоже.

– Поехали!.. – нетерпеливо пристукнула рукой по панели шведка.

Она уже привела себя в порядок и выглядит как всегда очаровательно, правда, бледностью лица может соперничать с мертвецами. И немудрено. Шпионка хренова. Вот только доберусь куда-нибудь в спокойное место, живо расколется… У меня не забалуешь. Отыграюсь за всё…

Гуркх ничего не говорил. Он полулежал на заднем сиденье и тяжело дышал. Ему пока еще не очень больно, настоящая боль начнется немного позже. При ранениях в живот почти всегда так.

Ну… с Богом. Или с Марксом… но первый вариант звучит, конечно, лучше. Плавно выжал сцепление, воткнул передачу, и «хорьх», рыкнув мощным мотором, стал плавно набирать ход.

– Всё… про аэродром забываем… – я с досады стукнул по рулю кулаком, затянутым в перчатку.

– Может, прорвемся? – нервно поинтересовалась шведка. – Мы же проехали спокойно уже два блокпоста.

– Как? – я сунул ей бинокль и показал рукой в сторону дороги на аэродром. – Все уже перекрыто. Из нас дуршлаг сделают. Не знаю, с чем это связано, может, и не с нами, но проезд уже заблокирован.

Теоретически тревогу еще не должны были поднять, времени прошло всего ничего, но в бинокль было ясно видно, как дорогу на аэропорт перекрыл гусеничный броневик. Черт его знает, возможно, просто заглох, но на крупнокалиберные пулеметы лезть не хочется.

Гуркх вдруг открыл глаза и сказал какое-то непонятное слово. Всего одно.

– Алекс… – шведка замялась. – Есть еще один вариант. Но для этого нужно прорваться ко мне в лабораторию. Гарантий никаких… но других вариантов у нас, похоже, нет.

– Подземный ход?

– Что-то вроде того… но там…

– Плевать. Хоть в Вальхаллу, но подальше от этого острова…

«Хорьх», рыкнув мотором, взял направление на базу.

Как ни странно, но тревогу на базе еще не подняли, и мы совершенно спокойно проехали первый наружный блокпост. Солдатики дружно откозыряли, увидев знакомый лимузин и его очаровательную хозяйку. Ничего не нарушало привычной им картины. Угрюмый узкоглазый, как всегда, за рулем, начальница рядом, ну а незнакомый парашютист на заднем сиденье – это тоже вполне нормально. Война идет все же. А на то, что водитель мертвенно бледен, внимание обращать не стоит. Кто их поймет, этих азиатов.

Шлагбаум на КПП тоже начал подниматься задолго до того, как мы к нему подъехали.

Молоденький унтерштурмфюрер молодецки подскочил к машине, отдал честь шведке, потом услужливо открыл дверцу.

Катарина оборвала его доклад и приказала:

– Сопроводите нас.

– Так точно, фрау штурмбанфюрерин! – унтер вскочил на подножку машины…

И в этот самый момент на КПП зазвонил телефон. Унтерштурмфюрер дернулся было, но машина уже стала набирать ход. А соскочишь, неизвестно, как начальница среагирует. Больно нравом крута…

Гуркх аккуратно завел «хорьх» в ангар, но как только двери за машиной закрылись, тишину разорвала сирена. Я уже давно ждал ее, но все равно подпрыгнул на сиденье как ужаленный.

– Как это понимать, фрау штурмбанфюрерин? – унтер уставился на «вальтер» в руке Катарины, направленный точно ему в грудь.

– Никак! – шведка ловка выдернула у него из кобуры пистолет. – Помогите водителю, или я вас пристрелю.

Два эсэсовца, стоявших на посту у входа в бункер, потянулись было к своему оружию, но увидев направленный на них мой автомат, быстренько оставили свои намерения и, повинуясь команде, растянулись на бетоне.

– Какие понятливые, – умилился я и быстренько освободил их от всего режущего и стреляющего.

Шведка зачем-то стала навьючивать на себя чехлы с оружием, а в ответ на мой недоуменный взгляд прошипела непонятную фразу:

– Может пригодиться. Может… Я сама пока не знаю, что там может пригодиться. Но не брошу…

Странно… На хрена ей охотничьи ружья? Может, дороги как память? Ладно, прихвачу остальное…

Вдруг стены ангара рванули пулеметные очереди. Тонкие металлические листы разом покрылись сотнями пулевых пробоин, а веселые солнечные лучики, пробиваясь сквозь них, принялись плясать по бетону. Гедин, взвизгнув, перевела себя в горизонтальное положение и на коленках рванула вниз. Пригибаясь и причитая, за ней потащил гуркха унтер.

Караульным эсэсовцам повезло меньше. На одном сошлись сразу несколько очередей, и он сейчас напоминал большую красную кляксу на бетоне. Второй побежал к выходу, но тоже попал под пули и теперь дергался в конвульсиях посередине ангара. Пулеметы били с вышек, и спрятаться от пуль было практически невозможно.

Я живо последовал примеру шведки и, матерясь, пополз вслед за ними. И проскочил-таки.

Басовито и гулко заработали крупнокалиберные пулеметы. Белоснежный «хорьх», и так покрытый уродливыми оспинами пулевых пробоин, словно рвануло гигантской когтистой лапой. После чего машина эффектно взорвалась и превратилась в весело полыхающие обломки…

М-да… весело. Прямо как в старые, добрые деньки…

– В лаборатории кто-то есть? – поинтересовался я у Катарины, набирающей номер на пульте. Сам же занял позицию на предпоследнем пролете, молясь, чтобы клятая дверь наконец-то открылась. Потому что первая же граната, брошенная вниз, превратит в ничто все наши попытки сбежать. Бетонные стены. Узкий коридор… Шансов нет.

Но пока молотят только из пулеметов и в ангар никто не лезет. Там полыхает машина, еще что-то взрывается. Даже внизу от гари дышать нечем. Так что эсэсманы пока подождут соваться.

Снизу донесся звук какой-то возни. Я повернул голову и увидел, как унтер пытается отобрать у шведки оружие. Не успел кинуться на помощь, как прозвучал выстрел, и немец с протяжным стоном осел на бетон. Гедин, отвернувшись и прикрываясь рукой, приставила оружие к голове унтера и еще раз нажала на спусковой крючок.

Ага… сама справилась, правки не требуется. Жесткая мадам… А вот гуркх совсем плохой, сидит у стеночки, как бы сознание не потерял…

– Так есть внизу кто? – заорал я девушке, услышав, как затихают пулеметные очереди. – Сейчас полезут сюда…

– Никого… экономили ресурсы и по выходным дням систему жизнеобеспечения не включали… – Шведка, кряхтя и скользя ногами по кафелю, попыталась провернуть кремальеру. – Ну, чего смотришь? Помогай! Блокировку замка я уже отключила.

Слава Коммунистическому Интернационалу! Мать его за ногу! Ура-я-я…

Я горохом ссыпался по ступенькам и ухватился за штурвал. Дверь, скрипнув, стала открываться.

Перетащил гуркха и перенес сумки. Потом плотно запечатал кремальеру. Катарина повернула какой-то тумблер – и в коридоре с резкими щелчками стал включаться свет, освещая длинный коридор, блестевший белоснежным кафелем.

Ну что, фрекен Гедин, где там ваш подземный ход?

Глава 7

– Это что за хрень, мать твою?! Это твой подземный ход, сука? – я в бешенстве орал на русском языке, не обращая внимания на то, что шведка его не понимает. – Не-ет!.. Лезь сама туда, дура нордическая!

– Я вас не понимаю, Алекс… – шведка спокойно пожала плечиками. – Я, конечно, догадываюсь по вашей жестикуляции, о чем вы… но право дело, не стоит так волноваться. Поверьте, лучше туда, чем в концлагерь. И нам надо поспешить. Если они догадаются отключить питание в бункере, мы здесь останемся навсегда.

– Фрекен Гедин, хочу вам напомнить, я сам выносил в резиновых мешках все, что осталось от русских военнопленных. Как раз после того, как на них испытали вот эту штуковину. Может, есть все-таки подземный ход? Отнорочек какой-нибудь…

– Нет… – категорично мотнула головой Катарина.

Она делала укол Браду и, отвечая, даже на меня не посмотрела.

– Погибли всего два испытуемых, и те по халатности персонала, – продолжила девушка. – Дальнейшие испытания на людях я саботировала как могла. И мы их не проводили. Кстати, я создала достаточно приемлемые условия для военнопленных. Это несмотря на весьма жесткое противодействие. Так что не надо меня упрекать в бессердечности. А вот с животными все не так плохо. Во всяком случае, их при переходе в кашу не размазывало.

– Я не упрекаю, – буркнул я. – Просто…

– Упрекаете! – упрямо заявила шведка. – Вас я, между прочим, тоже спасла.

– А я вас спас! Так что мы квиты.

– Не надо на меня кричать! – завелась девушка.

– Да кто на тебя кричит? Забыла, как эксплуатировала меня как раба? Фашистка! Я тебя…

– Я тебя подкармливала и не сильно загружала работой. И вообще это была маскировка, чтобы никто ничего не заподозрил, – парировала Катарина. – И я нацистка, а не фашистка, если на то пошло.

Потом засмеялась и сказала:

– Вот видишь. Мы с тобой уже на ты.

– Не очень-то и хотелось… – буркнул я и, отвернувшись от девушки, с подозрением уставился на установку.

Ну а как можно смотреть на очень странное сооружение совершенно непонятного назначения?

На платформе стояла капсула, очень похожая своей формой на маленькую железнодорожную цистерну, утыканную изоляторами и опутанную ячеистой блестящей сеткой.

Но это еще не всё. Вокруг капсулы расположились изогнутые дугой решетчатые фермы с кристаллами странного вида, что-то вроде двояковыпуклой линзы. Судя по прорезям в полу, фермы могли вращаться по кругу. Над ними по центру площадки нависало еще одно сооружение, по форме напоминающее веретено, собранное из черных пластин причудливой формы и разного размера. Помимо всей этой хрени, в зале находилась куча толстенных кабелей, извивающихся на полу, и множество вовсе непонятных для меня приборов. Еще несколько похожих капсул разных размеров стояли на тележках в углу зала.

Охренеть!.. Никогда такого не видел… Вот же клятые нацики изобрели!.. Оно летает?.. Или как? М-да… Скорее всего «или как». Интересно, а что тогда епнуло?

– А что взорвалось? Ну тогда, когда пожар был?

– Да не взорвалось, – Катарина досадливо поморщилась. – Сбросили статику, а улавливатели не сработали. Внизу ничего не было, а вот наверху… Ну ты сам видел. Ты одевайся давай, время не ждет. Можешь прямо поверх формы.

Шведка вытащила из шкафчика и положила на лавку резиновый костюм, напоминающий водолазный скафандр, с небольшими кислородными баллонами на спине. И подавая пример, стала натягивать точно такой же.

Как напоминание поторопиться, от входной двери бункера к нам донесся тяжелый удар.

Я живо схватил скафандр, но заметил, что Брад сидит неподвижно и одеваться не собирается. А лицо у него спокойное, умиротворенное и даже, кажется, светлее стало.

– А он?

Шведка прикусила губу и тихо сказала:

– Он остается. Включит установку. И не пытайся его уговорить… Он считает, что это его предназначение.

Я молча подошел к гуркху и положил рядом с ним автомат с запасными магазинами. Брад в ответ едва заметно кивнул, коснулся ладонью моей руки и прошептал:

– Береги ее. Она избранная. Ты… Ты исправил свою карму и вернулся в касту воинов. Теперь уходи… Стой…

Гуркх снял себя шнурок с каким-то медальоном и сунул его мне в руку.

– Вот… Теперь ты Страж… Поймешь… Иди…

Черт… а я языком своим трепал… Словом, прости, товарищ, если плохо про тебя думал. А медальон сохраню, хотя и предрассудки это.

Вернулся к Катарине. Девушка была уже в скафандре, но шлем еще не надела. Она чуть не плача рассматривала свои коллекционные ружья, искореженные пулями.

– М-да… попали все-таки, хорошо что не в тебя. Радоваться надо, а ты рыдаешь.

Гедин моего мнения не разделила.

– Смотри! Это же «франкотт»… Ну как же?.. и «воблей» тоже разбило… А «кирали» с «перде» мы наверху в спешке забыли. Сволочи… как можно стрелять по такой красо-о-оте…

Охренеть, девка по ружьям плачет. Странные все же эти буржуйки…

– Забудь, что-то целым осталось?

– Ну да… – Катарина размазала по щеке слезинку. – Мало…

– Вот и бери с собой, если они тебе так дороги, и патроны не забудь, а я тебе, если все благополучно закончится, новые куплю…

– Дурак! – фыркнула девушка и улыбнулась. – Купит он… Знаешь, сколько они стоят? Но я твой порыв оценила…

– Значит, украду или отберу. Не рыдай. Ты мне лучше скажи, а они на этой штуке за нами в погоню не отправятся? Рано или поздно дверь все равно взломают.

– Нет… Брад включит на установке режим, который уничтожит основное оборудование. Как? Долго объяснять, все равно не поймешь…

– А это… куда мы вообще?

Ответ поразил до глубины души. Катарина как-то странно усмехнулась и сказала:

– Ну-у… я предполагаю, что в Шамбалу, хотя вполне может быть, что и в Вальхаллу. Или еще куда… Возможно, в пятое измерение. Словом, не знаю. Но точно знаю, куда-то да попадем…

– Ты что, рехнулась? Какая Вальхалла? Мне на фронт к своим надо…

– Давно уже рехнулась. С тех самых пор, как нашла в тибетской пещере… – Катарина осеклась, секунду промолчала и торопливо закончила фразу: – Хватит разговоров. Лезь в капсулу и садись в кресло. Времени нет…

– Хорошо… Ты мне вот что скажи… Может, больше и не доведется нам поговорить… Ты разведчица? Случайно не на Москву работаешь?

Шведка весело рассмеялась и ответила:

– Да нет… не разведчица и не шпионка. Я переворот в Германии хотела устроить… то есть мы хотели. Но видишь, сорвалось. Все, хватит вопросов. Лезь в капсулу.

– А-а… Ну ладно. Если что, то я тоже не Жилин…

– Я догадывалась, хотя ты врал убедительно… полезай давай.

Внутри в капсуле ничего особо странного не было. Тесноватое помещение с двумя решетчатыми креслами, намертво вмонтированными в пол, и большой ящик у задней стены. Все поверхности покрыты тонким слоем резины. Чтобы током не долбануло?

Катарина пристегнула меня ремнями и защелкнула шлем на скафандре. Потом закрыла входной люк, уселась в кресло и пристегнулась. Секунду помедлила и стукнула ладонью по большой красной кнопке, вмонтированной в подлокотник ее кресла.

Примерно с минуту ничего не происходило, затем послышалось легкое гудение и противная вибрация…

– Мама!..

Гудение сменилось диким ревом и…

Яркая, ослепительная вспышка, горячая волна, ощущение необычайной легкости и непонятной прозрачности своего тела. Потом все померкло…

Глава 8

– Твою же мать!.. – я на долю секунды пришел в себя, инстинктивно заорал, открыл глаза и, не увидев ничего, кроме радужных, переливающихся кругов, улетел опять в темноту от жестокого удара, сотрясшего капсулу. В последние мгновения ускользающего сознания почувствовав сильный скрежет…

Сознание вернулось так же внезапно, как и пропало. С диким удивлением я обнаружил себя висящим в привязных ремнях лицом вниз. Сквозь трещину в стенке капсулы просачивался свет, позволяющий разглядеть шведку,

скорчившуюся в той же позе, что и я. Другого освещения не было, хотя при старте горела тусклая красная лампочка.

Память не пропала. Я отчетливо помнил всё…

– Ага… значит, все-таки сбежали… – пробормотал я и постарался пошевелиться. – М-да… Сойдет… спасибо, что живой остался.

Как ни странно, ничего особенно сильно не болело. Отстегнул шлем, вздохнул полной грудью и сразу зашипел. Ребра прострелило болью. Ну вот… а я уже порадовался.

– М-мать… Какого хрена капсулу так перекосило? Врезались во что?

Шведка тоже пришла в себя и, увидев меня без шлема, возмущенно заорала. Но понял я, что она злится, лишь по выражению лица девушки. Шлем глушил звуки почти полностью…

– Зачем ты его снял?.. Инструкцию хрононавта, что ли, не читал?.. А ну надень…

– Угомонись… Какую инструкцию? Какого хрено… навта?..

– А-а-а… – Катарина смущенно стукнула себя рукой по шлему. – Вылетело из головы.

– Да сними ты его! – заорал я в свою очередь. – Ничего не слышно.

– Ну да… – девушка сняла шлем и осторожно вдохнула. – Вроде нормально… И куда нас занесло?

– А я почем знаю? Хотел у тебя спросить… Смотри, капсула под наклоном. Нас входным люком уперло во что-то. Тут аварийного выхода не предусмотрено?

– Нет… – Катарина зачем-то покрутила головой. – Но можно сделать вот так…

– Стой! – заорал я в нехорошем предчувствии.

Но шведка уже открыла крышку пульта, торчавшего из стены рядом с ней, и дернула за какую-то чеку…

– Млять…

Я уже устал материться, но по-другому выразить свои эмоции не получается…

Оглушительно грохнуло, вспышка, капсула подпрыгнула и со скрежетом приняла сравнительно нормальное положение, только с легким креном уже в обратную сторону. Но не критическим.

– Что это было? – заорал я и закрыл глаза руками.

На месте входного люка образовалось отверстие, в которое хлынул поток ярчайшего света. Глаза, привыкшие к полумраку, отреагировали соответственно. Пришлось зажмуриться.

– Пиропатроны… – заявила смущенным голоском Катарина. – Люк отстрелился.

Я проморгался и увидел через дыру покачиваемую легким ветерком ветку. Обычную ветку, с красивенькими фигурными листиками. И веяло влажным воздухом, разбавленным незнакомыми пряными ароматами.

– Земля… – разочарованно протянула шведка.

– А ты куда хотела попасть?

– Ну…

– Без всяких «ну». На хрена нам какие-то Вальхаллы… и эта… как ее? Шаболда?..

– Шамбала… Неуч.

– И Шамбалы тоже. Надо быстро сориентироваться и двигать к своим… – я отстегнул привязные ремни и неожиданно шлепнулся на пол. – Что за хрень?..

– Вестибулярный аппарат расстроился, – прокомментировала шведка. – Подожди немного, все должно прийти в норму.

Девушка как раз вставать не спешила, осторожно разминая руки и ноги.

– А позволь тебя спросить, к каким «своим» ты собрался? – вдруг неожиданно спросила она.

– К своим… – я все-таки умудрился встать и ждал, пока пройдет головокружение. – К русским… советским…

– Они мне не свои, – буркнула шведка, настороженно глядя на меня.

– Но мне-то свои. А ты… ты можешь считать себя военнопленной. И я тебе гарантирую действительно гуманное обращение и щадящий режим содержания. Но ты будешь обязана предоставлять свое тело по первому требованию…

– Руки! Руки вверх!

– Ты что?.. – я обернулся и увидел направленный на меня ствол пистолета.

– Ну что, коммунист, взял меня в плен? – ехидно прошипела шведка. – Ты смотри… Все вы, варвары, такие подлые. Я тебе жизнь спасла, а ты меня в плен. Не видать тебе моего девичьего тела, похотливый самец. Застрелю!

– Да я же пошутил! Согласен, не очень удачно…

– Поздно каяться.

– Не дури. Давай сначала разберемся, куда мы попали. А потом топай куда хочешь…

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Сноски

1

Внимание! Мордой к стене! (нем.)

2

Вольно! (нем.)

3

Черт побери (шв.).

Купить: https://tellnovel.com/ru/bashibuzuk_aleksandr/s-chernogo-hoda

Текст предоставлен ООО «ИТ»
Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: Купить